

The background of the entire page is a silhouette of a horse and a person standing in a field of tall grass. The scene is set against a dramatic sunset sky with golden light breaking through dark, heavy clouds. The horse is on the left, and the person is on the right, both facing each other. The overall mood is somber and contemplative.

РОМАН О РОДОВЫХ
ПОМЕСТЬЯХ

ПО ТУ СТОРОНУ ПРОПАСТИ

В пропасть может упасть лишь бескрылый...

ЕЛИЗАВЕТА КРЕСТЬЕВА

- Книга 2 из трилогии о поселении Родняки -

16+

Елизавета Крестъева
По ту сторону пропасти

«Автор»

2017

Крестьева Е. В.

По ту сторону пропасти / Е. В. Крестьева — «Автор», 2017

Меня угораздило влюбиться... не в того человека. Богатый, красивый до невозможности, богатенький сыночек банкира и его холёной жены, потомок древнего грузинского княжеского рода. И я, простая медсестра "Скорой помощи" владивостокской горбольницы. Да ещё и старше его на шесть лет... Но мы с ним - как клинок и ножны, как пчела и цветок, как мелодия и слова - мы созданы друг для друга, чтобы разделить любовь, мечту и жизнь. И у нас родится сын. Наверное, родится... Потому что все и всё против нас...

© Крестьева Е. В., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Елизавета Крестьева

По ту сторону пропасти

*Мужчине – Творцу, Художнику, Поэту
посвящается*

По ту сторону пропасти

*Веди меня на кручу,
Забывтая дорога,
Меж зарослей колючих
В туманы – облака.
Там сяду, погорюю
О милом я немного,
Что плакать – ведь дорога
За камень далека.*

*А если с камня прыгнуть
В орлицу превратиться,
Испить глоток холодный
Из дальнего ручья.
На дальней стороне
Случилось мне родиться,
Перелечу за камень,
Увижу свет и я.*

*Лечу, лечу за камень
Свободною орлицей
И голубые травы
Я вижу с высоты.
Узнай меня, любимый,
Узнай в парящей птице,
Навек останусь птицей,
Коль не узнаешь ты...*

Л. Григорьева

Глава 1

Небо...

Какое оно, оказывается...

Синее? Голубое? Бездонное?..

Слова скакали, крутились невнятным пёстрым хороводом и отчаянно не подходили. Отсеивались пустой шелухой, совсем не применимой к тому, что она наблюдала. Разве это вообще возможно – описать небо?.. Да ещё такое...

Она видела два слоя облаков – одни величественные, словно скалы, почти неподвижные, искрящиеся молчаливой ледяной белизной. Другой слой, тонкий, рваный и прозрачный, словно паутина, висел ниже и скользил быстро-быстро, создавая иллюзию текучести, временности, преходящести. И над всем этим властвовала синь. Простой и глубокий Абсолют.

Ей вдруг подумалось, что если б она не грохнулась вот так, на пустом месте, то никогда бы не обратила внимания на это великолепие. Просто не заметила в пустой повседневности суеты и одолевающих её унылых мыслей...

Глаза вдруг защипало.

Вот так иногда, сквозь мельтешение и бестолковость жизни пробивается к нам Бог...

«Днём наступающим взойду зарёю»... вспомнились вдруг строки.

Стало грустно и немного стыдно.

И в то же время неугомонный ум всё задавался нехитрым вопросом: вот лежит на асфальте женщина, прилично одетая и явно не пьяная, и что вот так никто не подойдёт, не поинтересуется хотя бы, что с ней случилось?.. Конечно, влажная владивостокская жара разогнала горожан по квартирам и морским пляжам, но всё же, всё же!.. Так же не может быть, что совсем никого?..

Никого. Тишина и чуть слышный шёпот листьев.

Да что за люди такие бездушные, бесчувственные в этом городе жи...

– Девушка! Девушка, что с вами? Вы можете двигаться?

Послышался быстрый топот и сбивчивое дыхание, и начавший было разгоняться поезд привычно-мрачных мыслей остановился с почти слышным скрежетом. Кажется, даже звон прошёл по ушибленной голове.

Кто-то склонился над ней, схватил нервно и сильно за руку, бестолково растирая пальцы. Тёмная всклокоченная шевелюра заслонила бездонную синеву.

И вдруг накатило раздражение. Так было хорошо просто полежать на земле и поглядеть в небеса!

Н-да-а, Нина Савельевна, какая вы у нас логичная особа, оказывается... Ну-ка, давайте-ка, возьмите себя в руки и перестаньте страдать ерундой! Человек пытается вам помочь! А вы сами только что изволили предавать анафеме бездушных эгоистов, населяющих этот распрекрасный город!

Нина вздохнула и крепко зажмурилась. Действительно, пора бы уже прийти в себя.

– У меня всё в порядке, спасибо, – пробормотала она и неловко попыталась сесть.

Вроде нигде не больно... просто тело слегка занемело от испуга и неожиданности падения. Толстая коса смягчила удар головы.

Чьи-то крепкие руки осторожно поддержали её. Она, наконец, повернула голову и сфокусировала взгляд на человеке, присевшем на корточках рядом. И сердце невольно пропустило удар.

Молодой мужчина, даже, скорее, парень, тревожно всматривался в её лицо большими глазами цвета горького шоколада. А при виде густых изогнутых ресниц скорчилась бы от зави-

сти любая топ-модель. Чёрные, шелковистые, довольно длинно отпущенные волосы непокорно торчали во все стороны. Высокие скулы, дерзкий разлёт бровей, чувственный полный рот, матово-смуглая кожа. Сильный нос с чуть заметной горбинкой, щёки и подбородок, отливающие лёгкой синевой.

Хорош, невольно восхитилась Нина. Картинка, а не мужик. Она быстро отвела глаза, переведя взгляд на ноги. Как банально. Она поскользнулась на самой обычной банановой коже. Ремешок одной сандалии, не выдержав резкого рывка, лопнул, и перед ней замаячила перспектива проделать оставшийся до квартиры путь, подволакивая ногу. Н-да, достойное завершение и так-то не слишком приятного утра. Хотя закадычная подруга Анька не преминула бы съехидничать – мол, что излучаешь, то и получаешь...

– Позвольте помочь вам, – мягко сказал парень, когда она сделала попытку встать, и, не дожидаясь согласия, поставил её на ноги. Деликатными, почти незаметными касаниями отряхнул ей спину. – Вы даже не испачкались, – улыбнувшись, заметил он.

Улыбка сделала его совершенно неотразимым, Нине даже захотелось зажмуриться.

Добрый, подумала она, славный и добрый парень. И красивый.

Даже как-то чересчур...

– Спасибо, – наконец, улыбнулась она через силу. – Спасибо, вы уже достаточно помогли. Я... всё нормально, спасибо, – в третий раз сказала она, не зная, как теперь повежливее от него отвязаться.

Заметил он порванную босоножку? Если она сделает шаг...

– Ремешок порвался, – немедленно, словно откликнувшись на её мысли, отозвался парень, наклонился и рассмотрел пострадавшую обувку.

– Ничего страшного, – уже суше сказала Нина, вставила ногу поглубже и сделала неуверенный шаг. – Потихоньку дойду, мне недалеко.

Это была ложь. Она специально сегодня не поехала на автобусе, решила пройтись после ночного дежурства. Продемонстрировать всему миру, опять же, новые клетчатые брючки-капри, так изумительно сочетавшиеся с нежно-лимонным топом и такого же цвета шёлковой лентой в косе. Та ещё модница... Когда-то даже хотела стать модельером...

Вот и продемонстрировала.

– Я на машине, – сказал молодой человек. – Она тут, недалеко. Давайте я вас подброшу. Или, если нужно, отвезу в больницу. Это всего пару кварталов отсюда.

Нина невольно засмеялась:

– Вообще-то я только что оттуда.

И когда парень недоумённо поднял брови, добавила неохотно:

– Я там работаю.

– А-а, – протянул тот. – Ну, это дела не меняет. Куда скажете, туда и отвезу.

И снова протянул ей руку.

Чего я ломаюсь? – подумала она со смутным недоумением. Это же самый простой и очевидный выход. А паренёк просто хорошо воспитан, хоть и юн. На маньяка не похож вроде... Хотя кто их знает, маньяков?..

– Ну что ж, мой добрый ангел, – улыбнулась она чуть иронически и осторожно вложила ладонь в его руку. – Я-то точно знаю, что я вам не навязывалась. Так что если вы без толку потратите своё время...

Он засмеялся, и от его грудного, глубокого смеха где-то в позвоночнике образовался приятный холодок. Ого, пискнула торопливая мысль и тут же трусливо нырнула вглубь. Ого-го!

– Вы знаете, у меня такое ощущение, что я, наоборот, наконец-то с толком потрачу своё время, – ответил «добрый ангел» и повёл её, осторожно поддерживая под локоть, вниз по улице. Порванная босоножка звонко щёлкала по пятке.

Не просто хорошо воспитан, отметила Нина, но ещё и умён. И красив как... Аполлон? Ну, если только какой-нибудь грузинский его аналог...

– Вы, часом, не грузинских кровей? – брякнула она, не сдержав любопытства.

Он резко остановился, так что она чуть не споткнулась, и как-то странно посмотрел на неё.

– Ну, есть такое, – недоверчиво ответил он. – Но вы первая, кто это заметил, да ещё вот так, с налёту... Не такая уж грузинская у меня внешность. Только фамилия. Может, вы меня знаете?..

– Нет, конечно, – смутилась Нина, мысленно кляня себя за несдержанность. – Просто на ум почему-то пришло... Сама не знаю.

Вторая и, собственно, последняя её подруга, Ира, часто называла её «Соколиный Глаз». У Нины наличествовал странный дар изрекать спонтанные фразы и видеть сны, которые часто оборачивались абсолютной истиной. Иногда это пугало и настораживало неподготовленных людей.

Парень ещё какое-то время смотрел на неё с неприкрытым любопытством. В кронах вязов и клёнов прошелестел мягкий ветерок, колыхнул стоячий нагретый воздух.

– По линии отца мои далёкие предки происходят из старинного грузинского княжеского рода, – объяснил он. – Но вот уже несколько поколений их живёт в России. Ещё с екатерининских времён. Так что к Грузии я имею мало отношения. Хотя мой отец, – усмехнулся он довольно грустно, – не устаёт мне напоминать о «чистоте породы».

– О-о-о, – поразилась Нина, – так вы ещё и породистый?

Они оба весело рассмеялись, хотя парень – несколько смущённо. Потом он снова взял её под локоть, и они вышли к обочине дороги, где был припаркован его автомобиль. И у Нины отвалилась челюсть. Она не слишком разбиралась в марках машин, но то, что стояло у обочины, больше напоминало хищную чёрную пантеру, а не транспортное средство. Впрочем, значок на капоте безмолвно свидетельствовал о том, что она не так уж и ошиблась.

– «Ягуар», однако, – протянула она на манер чукчи из анекдотов и поцокала языком. – Машина-то у вас тоже породистая. Вот свезло, так свезло! На «Ягуаре» хоть раз в жизни прокатиться!

Он снова смущённо улыбнулся, отключая сигнализацию, и Нине даже показалось, что на выступах скул под бронзовым загаром проступил румянец.

– Вы, наверное, будете смеяться ещё сильнее, если я вам признаюсь, что у меня ещё есть породистый конь по кличке Раджа. Тоже, кстати, чёрный.

Нина не выдержала и громко фыркнула.

– Князя, как видно, без дела не сидели, – саркастически заметила она, но тут же всей кожей ощутила, что ведёт себя просто как... как крайне неудовлетворённая жизнью женщина. Стерва, если выразиться кратко и ёмко. Какой ужас, Нина Савельевна! Чем тебе так не угодил этот славный парнишка? Ну, богатенький сынок, ну так и что, не человек теперь?

Молодой человек покраснел ещё отчётливее, открывая перед ней дверь. Она помедлила, не зная, стоит ли вообще портить и дальше парню день своей невоспитанностью и дурным настроением.

– Простите меня, – пробормотала она виновато и поправила ремешок сумочки. – Просто тяжёлое дежурство выдалось. Никак не могу справиться с хандрой...

– Ну что вы, – парень облегчённо просиял дружелюбной улыбкой. – Прошу вас, садитесь.

В салоне, отделанном бежевой кожей, всё пахло деньгами и абсолютной новизной. Молодой человек аккуратно влился в поток машин и только потом немного расслабился. Не слишком опытный водитель, поняла Нина.

– Простите, а куда, собственно, ехать? – спохватился он и виновато засмеялся. – Вот, всегда со мной так... Если сосредоточусь на чём-нибудь одном, всё остальное из головы вылетает.

Какой-то совершенно невероятный тип, подивилась она в очередной раз. Богатый, красивый, воспитанный и... робкий. Разве такое бывает?

– На втором светофоре налево, и там дальше я покажу.

Он всё ещё улыбался, и Нина вдруг ошутила, как паршивая тягостная тоска, всегда душившая её после очередного выезда на суицид, начинает потихоньку отпускать. Но о чём говорить с этим странным товарищем?.. Чем живёт нынешняя молодёжь? Тусовки-клубы, Таиланд-учёба-предки? Бабки?..

Ох, доехать бы уже и выбросить из головы это диво молодое...

– А вы похожи на японку, – неожиданно выдало «диво».

Нина вздрогнула и повернула голову.

Парень снова отчаянно смутился, и холёный «Ягуар» чуть дёрнулся. Только кошки могут так презрительно дёргать шкуркой, выражая недовольство нерасторопным хозяином.

– Ну, вы не первый, кто мне это говорит, – невесело усмехнулась она и провела пальцем по хромированной отделке приборной панели. – Но вы тоже правы. Правда, ничего столь романтического... просто обычные последствия военной оккупации. В восемнадцатом. Тысяча девятьсот, – зачем-то добавила она и перевела взгляд на дорогу.

– Простите, – пробормотал он покаянно. – Я не хотел...

– Да ничего страшного, – ей вдруг стало смешно. – Давненько это было, почти сто лет тому, да и прабабушки-то давно уж нет, царствие ей небесное. Я её и не знала совсем. А вот дед получился знатный красавец, хоть и желтоват лицом. В сыне его, папке моём, уже ничего японского, а вот на мне гены опять отыгрались. К огромному неудовольствию моей мамы, – слегка помрачнела она. – Я для неё «полная нехристь», как она выражается...

Она даже не поняла, зачем сказала это. Эта мозоль в её душе одна из самых тайных и намозоленных...

Они какое-то время молчали, пока не повернули на втором светофоре. Нина объяснила, куда ехать дальше, и они снова умолкли. Нина чувствовала себя... странно. Неловко, скованно, но как будто невидимая и прочная нить вдруг связала её с этим необычным молодым человеком. Тончайшая, словно вытянутая искусным вальцовщиком, серебряная нить. Она даже мотнула головой, пытаясь вытрясти из неё эту невиданную чушь. Взбрёт же!.. Парень покосился удивлённо, и настал её черёд смущаться. В салоне повисла неловкая тишина. «Ягуар» гудел сыто, ровно, чуть слышно. Хорошая машина...

– Знаете, – вдруг сказал парень, не глядя на неё. – Я вам уже столько о себе умудрился рассказать, что было бы странно не познакомиться, как следует... Меня зовут Григорий. Григорий Геловани, если вам интересна пресловутая грузинская фамилия. И мне бы очень хотелось узнать, как зовут вас... если вы не против, конечно, – робко добавил он и посмотрел на неё, вопросительно улыбаясь.

– Конечно, не против, – улыбнулась она в ответ. – Но опять же, ничего столь загадочного и романтического. Просто Нина. Нина Саблина, если вам интересна моя обычная русская фамилия. О, ну вот мы и приехали почти, – посмотрела она на приближающуюся родную многоэтажку и ошутила... что-то очень похожее на разочарование. – Так что, может, и не стоило знакомиться перед самым прощанием. Остановите здесь, пожалуйста, мне отсюда удобнее дойти.

«Ягуар» плавно, совсем по-кошачьи, замедлил ход и замер – или послушно лёг? – около автобусной остановки. Нина не успела ещё и сумку на плечо закинуть, как Григорий уже открыл дверь с её стороны.

Это было так не похоже на будничную Нинину жизнь, в которой она привычным рывком распахивала тяжёлую дверь «Скорой», чтобы мчаться с напарником на очередной вызов, трясясь в дребезжащей от натуги и старости «ГАЗели» в холод, жару, дождь, снег, грязь, темень – всё едино... А тут... словно каким-то чудом угодила в одну из серий фильма «про богатых», как говорят старушки-пенсииерки на лавочке.

Что ж... эта серия очень быстро закончилась. Нина чуть заметно вздохнула и уже открыла рот, чтобы попрощаться со славным рыцарем Ланселотом, но тот опередил её, снова загипнотизировав лучистой мягкой улыбкой:

– Нина, можно одну просьбу? Ма-а-ленькую?

Она вскинула глаза, замерев. Неужели попросит телефон?

– Конечно, мой добрый ангел, – усмехнулась она осторожно. – Как же я посмею вам отказать?

Он прислонился к дверце кошачьего автомобиля. Нина, как зачарованная, разглядывала стройную широкоплечую фигуру, светло-сиреневую рубашку, чёрные брюки в щегольскую светлую полоску... Наваждение какое-то, а не мужик.

– Я тут... ну, точнее, мы с одногруппниками, ищем приличное, но недорогое кафе, чтобы обмыть свеженькие дипломы, – он бросил на неё лукавый взгляд из-под длинной чёлки, – и меня командировали в этот район. Вот я и хотел поинтересоваться, может, вы знаете какое-нибудь нормальное местечко?

– Поздравляю... с дипломом, – сказала Нина, мысленно обругав себя за дурацкую наивность. – Есть тут, буквально в двух шагах, вполне приличная кафешка. Во-он, за тем сквером сразу направо и увидите. «Фрегат». Там очень вкусная выпечка, хороший кофе... и относительно недорого. Я сама там частенько после дежурства кофеём отпиваюсь.

– Но вы ведь как раз с дежурства, – Григорий чуть склонил голову набок, и его улыбка стала совершенно невозможной, как слишком яркий, слепящий свет. – И вы сами сказали, что оно было нелёгким. Так позвольте мне угостить вас чашечкой кофе?

Серия «про богатых» внезапно продолжилась, и Нина совсем растерялась. Где-то в глубине души тревожно тенькнул колокольчик, предупреждающий об опасности. Если затянуть знакомство с этим богатеньким обаяшкой, последствия могут быть... одним словом, могут быть последствия! Оно нам надо?.. Пора уже щёлкнуть красной кнопкой на пульте!

– Вы знаете... – начала она решительно, но осеклась, потому что он вдруг потянулся, взял её за руку, легонько сжал, и у неё мгновенно остановилось кровообращение, сердцебиение и все прочие столь необходимые для биологического существования процессы. Она просто стояла и бессмысленно таяла в глазах цвета горького – её любимого – шоколада.

– Всего одну чашечку, – вкрадчиво попросил Григорий, снова лукаво наклонив голову. – И после этого торжественно обещаю перестать вам надоедать. Хорошо?

Не такой уж он и робкий, пробилась сквозь вату, заполнившую черепную коробку, не слишком оригинальная мысль, пока они снова усаживались в «Ягуар». Очевидно, он всё же неплохо осведомлён о своих чарах...

Ох, Нинка, кажется, ты слегка попала...

Они сидели во «Фрегате» уже второй час. Кофеин весёлой энергичной волной перекатывался по Нининым сосудам, отчего у неё кружилась голова, и совершенно распоясался язык. Три кружки – это явный перебор...

А впрочем, при чём тут кофеин?

– ... и тогда я решила – всё, никогда к лошади больше и близко не подойду. Хотя до чего ж они всё-таки красивые!..

– Зря, – немедленно и даже чуть запальчиво отозвался Григорий. – Вас совершенно неправильно подвели к лошади. Сзади вообще нельзя подходить! Это абсолютно непрофессионально! Вы должны позволить мне... – и внезапно осёкся, смутившись. – Простите, я же обещал не приставать к вам больше... Как трудно бывает сдерживать некоторые обещания, правда? – добавил он, помолчав, и поскрёб ногтем по пятнышку на синтетической скатерти.

– Вы обожаете лошадей, – заметила Нина, улыбнувшись.

– Да! – рассмеялся Григорий. – Признаться, я люблю их больше, чем людей.

– Ну, это вы хватили, – протянула Нина неодобрительно. – Люди тоже нормальные попадают. Хотя реже, чем нормальные лошади, наверное.

Они снова – в который уже раз? – рассмеялись вместе, и Нина вдруг поняла, всё, пора. Иначе катастрофа. Цунами, буря и тайфун, вместе взятые. По-другому называется – «влюблённая Нинель».

Он, видимо, что-то такое почувствовал, потому что резко замолчал и посмотрел ей прямо в глаза. И снова Нина ощутила, как между ними натянулась до звона прочная невидимая нить.

Да что за чертовщина?.. Она же суровая циничная реалистка до мозга костей!.. Почему она так бесполово и покорно расплывается под его взглядом, словно ей шестнадцать, и в её крови, как пьяные матросы, бушуют необузданные гормоны?

Она медленно поднялась, словно выпутываясь из оков тяжёлого, дурманящего сна.

– Мне пора, Григорий, – сказала она вымученным бесцветным голосом. – Спасибо за прекрасно... за всё спасибо. Вы – очень интересный молодой человек, но мне действительно пора.

Он тоже поднялся и грустно улыбнулся.

– Почему-то мне кажется, что вы не захотите дать мне номер своего телефона, – тихо проговорил он. – Но я всё равно спрошу. Нина, вы не дадите мне номер вашего телефона?

– Нет, Гриша... – безрадостно ответила она. – Не надо этого. – Она боялась смотреть в тёмно-карие глаза. Она боялась не устоять. – Не надо. И провожать тоже не надо. Всего вам самого наилучшего.

Ей пришлось всё-таки взглянуть, иначе было бы совсем невежливо. И вообще трусливо.

– Вы тоже очень интересная, Нина... – в его глазах зыбкой тенью отражалось сожаление. – И необыкновенно красивая.

– Я?.. – искренне поразились Нина. – Ну, смотря на чей вкус, – неуверенно хмыкнула она. – Впрочем, спасибо. До свидания.

– До свидания, – сказал Григорий, и стандартное прощание вдруг обрело в его устах истинный, пугающий, буквальный смысл.

Стараясь не думать об этом словесном парадоксе, она повернулась, и, насколько могла ровно, – с порванной-то босоножкой! – вышла из «Фрегата».

Прежде чем войти в свою квартиру, она несколько раз глубоко вздохнула. Голова всё ещё сладко кружилась, и в животе порхала целая туча бабочек. Сколько лет прошло с тех пор, когда она испытывала подобные ощущения? Десять? Пятнадцать? Сейчас ей тридцать один. А сколько могло быть Григорию с мелодичной грузинской фамилией Геловани? Двадцать два? Двадцать три в самом лучшем случае... Во сколько сейчас заканчивают ВУЗ? Вот то-то... Армией тут явно не пахнет. Да и брызжущая здоровьем, пахнущая чистой свежестью молодость – это нельзя подделать никакими современными ухищрениями. Он совсем ещё мальчишка, богатый, красивый, и как пить дать, избалованный женщинами.

Она невольно вспомнила его очаровательную улыбку, тёмный румянец и смущённые глаза. Всё это никак не вязалось с образом мачо-красавчика...

А, пустое!..

Она снова тяжело вздохнула. Всё, проехали. Серия «про богатых» всё-таки закончилась. Пора возвращаться в серые будни...

– Где тебя носит? – донёсся из кухни знакомый, вечно недовольный голос. – Время – обед, а её не дождёшься. Всё давно остыло.

Мама очень не любила, когда Нина не появлялась на обед. Обед в мамином понимании был патриархально священен.

Нина сбросила порванную босоножку и наклонилась, чтобы снять вторую.

– Вот, умудрилась ещё и обувь порвать! – мать появилась в коридоре, в своём любимом, затёртом чуть не до дыр цветастом халате, который ей когда-то сшила Нина на Восьмое марта. – Такие деньжищи – и всё на ветер, и всё на эти бесовские тряпки! Нина, когда же это кончится, Христа ради?

– Здравствуй, мама, – сказала Нина. – Ничего страшного, завтра отнесу в починку.

– В починку, – проворчала мать и, тяжело повернувшись, снова ушла на кухню. – Вот непутёвая девка, Господи прости...

Нина снова вздохнула, повесила сумку на крючок в гардеробе. Хмуро взглянула на своё отражение в зеркале на дверце шкафа. На неё так же хмуро уставилась невысокая изящная женщина с большими тёмными, как спелая чёрная смородина, чуть раскосыми глазами. Она вгляделась в себя, пробуя улыбнуться так и этак, наклонила голову к плечу, повернулась и посмотрела чуть искоса, вполоборота. Перебросила туда-сюда косу. «Необыкновенно красивая»... Что за бред? Даже её первая страстная любовь в медучилище, Васька Старостин, никогда не называл её красивой. Симпатично-необычная, восточно-загадочная, это было, и до Васьки и после. Но «необыкновенно красивая» – это как-то, простите...

В груди снова стало тесно и сладко, Нина яростно помотала головой, прошла в свою комнату и упала на кровать, застеленную стареньким клетчатым покрывалом. Впереди целых четыре свободных дня. Нина отработала за себя и за сменщика Витьку Косарева, слёзно умолившего её дать ему отгулять на свадьбе лучшего друга. Ну что ж, отгулял, теперь пусть поработает... а она поедет в Родняки к Ирке.

Обе её лучшие подруги, Аня и Ира, проживали не где-нибудь, а в поселении Родовых поместий со странным названием «Родняки». По идее, ей тоже очень хотелось проживать именно там. Но не получалось...

Нина вздохнула, поднялась с кровати, открыла шкаф и достала домашнюю майку и длинную юбку из лёгкой, воздушной ткани. Переделась и придирчиво разглядела брючки и топ. Действительно, не испачкались. Всё равно лучше бросить в стирку... Но неохота наткаться на ворчащую маму, которая, как минимум, до завтрашнего утра не простит ей порванной босоножки!..

Ладно, потом...

Она свернула вещи и положила на стул около старенького, кое-где подлатанного письменного стола, за которым делала ещё школьные уроки. Нина усмехнулась печально и потрогала шляпку гвоздя, торчащую сбоку стола. Наверное, она так и состарится вместе с этим столом и прочими предметами обстановки, среди которых прошло её бесцветное детство и юность.

Впрочем, как раз в юности, точнее, сразу после окончания училища, Нина совершила величайшую дерзость в жизни – поехала с подругой Анькой автостопом через всю страну к черноморскому побережью. К дольменам – таинственным памятникам – хранителям древних знаний.

Она снова усмехнулась и зябко обхватила себя руками, вспоминая, как орала на неё мать, когда узнала про автостоп. Она чуть не выгнала её из дома. Папа тоже ругался потихоньку, но что там папа, её тихий, добрый, робкий папка, всю жизнь проживший в маминых ежовых рукавицах... Папа давно превратился в собственную тень.

Нина пока держалась.

А какой выход – жилья своего нет, работы нормальной нет, женихи как-то тоже не состоялись... Васька разлюбил очень быстро, как, впрочем, и она его. Пустой фантик, красивая обёртка и море «понтон», вот кем был на самом деле «секс-символ» курса Васька Старостин. После Васьки вообще так и не случилось ничего серьёзного – несколько пустых влюблённостей, неловких свиданий и столько же неуклюжих попыток затащить её в постель.

Нина поморщилась. Шли годы, а ничего больше не менялось... Изматывающие дежурства, смешные копейки вместо зарплаты... Она как-то попробовала устроиться в платную

клинику, по давнему знакомству, ухаживать за пациентами-толстосумами; кошелёк сразу стал заметно потолще, но душа прямо-таки взвыла... Иногда ей приходилось чуть не силой отбиваться от очередного слюнявого от похоти стареющего «папика», уверенного, что за его деньги к нему в кровать прыгнет любая сестричка – только пальцем помани...

Она не продержалась и полгода, вернулась в родную дежурку второй городской больницы. До сих пор помнились счастливые лица и медвежьи объятия её напарников-мужиков, которые на радостях подбросили её так, что она чуть не врезалась в потолок. Она ненавидела эту собачью, нечеловечески напряжённую работу, но обожала свою команду: Витьку, Андрея и Димку – в чём-то таких же изгоев, как и она, и в то же время самых светлых и добрых людей в её жизни... не считая двух закадычных подруг Аньки и Ирки.

В коридоре слышались мамины тяжёлые шаркающие шаги. Нина замерла. Только бы не зашла... Она нервно скомкала в кулаке подол юбки. Вдруг навалилась усталость, выслушивать мамины претензии не было сил... А когда сил на терпеливое добро не оставалось, Нина начинала огрызаться, словно собака, загнанная в угол. Это всегда приводило к тяжким и печальным последствиям. Мамины истерики походили на кликушество, обильно сдобренное религиозным соусом. Не всякие нервы, даже такие закалённые, как у дочери, могли такое выдержать. Обычно в такие времена Нина отсиживалась у Аньки в квартире, порой по несколько дней. Но нынешняя весна положила и этому конец. Аня сдала квартиру молодой семье и переселилась в Родовое поместье...

А в начале лета вышла замуж.

Мамины тапки прошаркали в большую комнату, и Нина медленно выдохнула, с облегчением закрыв глаза. Подождала ещё немного, пока в комнате не забормотал телевизор. Тогда, подхватив сброшенную одежду, она осторожно прокралась в ванную и торопливо задвинула щеколду. Уф-ф...

Она открыла воду, плеснула в лицо несколько ледяных горстей, и наваждение по имени Григорий Геловани окончательно рассеялось и лопнуло, словно радужный мыльный пузырь. Нина тщательно намылила руки и снова взглянула на своё отражение в зеркале над раковиной. Беззвучно и горько усмехнулась.

Очи чёрные...

И тоска тоже чёрная.

Эта самая тоска потихоньку глодала её вот уже почти два месяца. Нина ненавидела себя, пряталась от постылых мыслей, наглухо захлопнула сердце, но злое зерно пустило корни где-то в самом потаённом уголке души, и сколько она не рвала верхушку, проклятый корень опять пускал ядовитые побеги...

Из-за этого она вот уже пол-года просидела в городе. Вот и июль уже за пыльным окном, которое всё недосуг помыть... И даже день рождения так и остался неотмеченным, незаметно улетел в жаркое марево последним июньским днём. А ведь они с девчонками на её «денюху» всегда собирались у Ирки на поместье, и всё проходило буйно и весело, как любила Нина.

Она вообще была бесшабашно весёлой... Когда-то.

Но всё изменилось. Как-то резко, болезненно изменилось, словно жизнь взбрыкнула, как норовистый конь, и Нина, беспомощно молотя по воздуху руками, глупо вывалилась из седла в придорожную пыль.

Её Анька изменилась. Стала почти неземным, потусторонним для Нины существом. Счастливым... Настолько счастливым, что Нина совершенно перестала её воспринимать. Это было так неожиданно больно, что ошеломлённая Нина задыхалась, как выброшенная на берег рыба. Когда они обе были одиноки и предоставлены самим себе, всё шло нормально, сложности и перипетии непростой жизни подружки отзывались сочувствием и состраданием в Нининой душе. Она спешила на помощь, она была нужна. Вместе они справлялись. Со всем справля-

лись. Справились и с нелёгкой Аниной любовью. И вот, теперь, Аня замужем, на поместье и ждёт ребёнка...

А Нина... а Нина... а где, собственно, Нина?.. Кто это вообще?..

Нина не выдержала и всхлипнула. Плечи свело острой тоской. Она прижала мокрые пальцы к горячим глазам и замерла, внутренне схлестнувшись сама с собой в жестокой схватке. Схватка, как всегда, получилась бурной, но короткой. Нина закрыла кран, вытерлась. Ком сброшенной одежды полетел в машинку.

С неестественно прямой спиной она вышла из ванной.

Похоже, опять она не поедет завтра в Родняки...

Глава 2

Гравий чуть слышно хрустел под колёсами глянцево-чёрного «Ягуара», который мягко прокрался на крытую мощёную площадку, обсаженную живой изгородью из туи, и пристроился около весьма женственной машины электрически-синего, режущего глаз колера.

Мама дома, подумал Григорий и слегка нахмурился, побарабанив пальцами по кожаной оплётке руля. Это странно и не очень-то кстати. А, ладно, что-нибудь сообразим...

Мать встретила его в дверях, как всегда, величественная, пахнущая жасмином и уверенной женской силой.

Иногда при виде матери Григорию вспоминались строки из Руставели:

*Как прекрасное алоэ в золотых садах Евфрата,
Восседала на престоле та, чьи брови из агата.
Как рубин, уста горели, лик был светел, как кристалл,
Ни один мудрец афинский красоты такой не знал.*

Кто бы дал больше сорока этой роскошной женщине? А ведь ей за пятьдесят...

– Григорий, ну, наконец-то! Ты что так долго? Почему не отвечал на звонки?

Вот попробуй, скажи ей, что телефон специально выключил, чтобы не доставала... Опять придётся врать...

– Мам, я же говорил. Мы с друзьями искали приличное недорогое кафе – дипломы обмыть. А телефон разрядился – я про него забыл.

– Мы уже говорили об этом, Гриша, – с чуть заметным, еле уловимым оттенком недовольства, сказала мать. – Если бы ты попросил, хотя бы намекнул нам с отцом...

– Мамулечка, это не обсуждается, – он быстро поцеловал бархатистую смуглую щёку и чуть потёрся о неё своей. Это всегда действовало безотказно. Тамара Георгиевна улыбнулась и заметно расслабилась, смягчились черты красивого властного лица. Возраст и прекрасный уход сообщали этому лицу тончайший налёт аристократизма, словно патина – старинной бронзы. Царица Тамара, одним словом...

Они вместе вошли в просторный холл белого особняка в стиле «таунхаус». Перетекающие друг в друга жилые уровни, сложная геометрия стен – одна из них и вовсе напоминала наполненный ветром парус, плоская крыша – неременный атрибут современности, балконы и террасы с лёгким металлическим ограждением, и, конечно – стекло, много, много стекла. Расстарались архитекторы, выписанные аж из Германии. Над ландшафтом трудились свои, местные. Отец Григория и дизайнеров выписал бы откуда-нибудь из Европ, да вот климатические условия подкачали... Приморье – хоть и самый южный в России регион, отнюдь не баловал своих жителей мягким покладистым климатом. Поэтому Эдуарду Михайловичу Геловани, основателю и владельцу крупного приморского банка «Восток», скрепя сердце, пришлось довериться всего лишь самой престижной владивостокской фирме ландшафтного дизайна. На вкус Григория, и без того маленький участок в десять соток был чересчур отягощён хвойниками и камнями, что только подчёркивало довольно холодный облик здания и его чужеродность окружающей – гораздо более скромной, природе.

Но кто бы Григория спрашивал...

Он с детства мечтал стать архитектором и ландшафтным дизайнером, разводить породистых лошадей, но родители ничего не хотели об этом слышать. Правда, орловского рысака ему всё же подарили, в честь окончания лицея с золотой медалью, но коня приходилось содержать на частной конюшне в двадцати километрах от города; так что видеться с любимым Раджой и

заниматься с ним удавалось редко, от случая к случаю... По вечерам в глухой тоске он смотрел на городские огни за окном и вспоминал, как ветер свистит в ушах, и кружится от лихого счастья голова, когда он несётся верхом на коне по полю, почти распластавшись по могучей чёрной шее. Как ему хотелось порой жить в конюшне и спать на охапке соломы рядом со своим любимцем!..

Но Григорий рос воспитанным, неконфликтным и послушным парнем. И с затаённой грустью, после окончания лицея поступил на юридический и проучился три курса, прежде чем окончательно возненавидел юриспруденцию. И себя самого заодно. Его мягкость и, как он небезосновательно считал, бесхребетность, требовали срочного вмешательства.

Впервые в жизни, холодея от страха, он предстал перед всемогущим отцом и заявил, что хочет в армию, а ещё лучше на флот. И прежде чем Эдуард Геловани, который уже начал подниматься угрожающе из-за массивного рабочего стола чёрного дерева, успел хоть что-то сказать, Григорий, насколько мог хладнокровно, напомнил, что все его предки по мужской линии со времён Екатерины служили офицерами в русской армии, прадед погиб командиром батальона в Великую Отечественную, а дед служил во флоте и остался в Приморье после службы. И он, Григорий, хотел бы быть достойным своих предков.

После этого, смиренно потупив глаза, он добавил, что нуждается в большей дисциплине и организованности, хочет укрепить тело и закалить дух. А после службы закончить университет.

Он хорошо подготовился, и почти наверняка знал, что сумеет убедить отца. Он поставил на отцовское тщеславие и фамильную гордость. Ведь как благородно господин Геловани будет смотреться в качестве отца, не только полностью обеспечившего сыну будущее, но воспитавшего его в духе пламенного патриотизма и любви к Отечеству, ныне снова очень модных во всех слоях общества!..

Удар попал точно в цель. Эдуард Михайлович так и замер с открытым ртом, совершенно не зная, что сказать на пламенную речь единственного отпрыска. И цепким тяжёлым взглядом уставился сыну прямо в зрачки. Григорию тогда показалось, что прошла вечность, и все его мышцы превратились в кисель... но он выдержал. Отцовский сканер-рентген сумел бы высветить малейший признак вранья и неуверенности. Поэтому Григорию пришлось предварительно самому поверить во всё, что он наговорил.

Наконец,, Эдуард Михайлович грузно опустился в кресло, и единственное слово упало, как камень:

«Иди».

И Григорий понял, что первый раз в жизни добился своего.

– Мама, разве ты не в городе сегодня? – спросил Григорий, переобуваясь.

Мать собиралась сегодня в салон красоты, прихорошиться дополнительно к предстоящему банкету в честь блестящего окончания университета сыном. Вот достойный повод для парадного выхода царской четы!

– А, – мать раздражённо махнула унизированной кольцами рукой. – Жанна что-то приболела, а все остальные меня не устраивают. Руки не оттуда растут... Если завтра она не выйдет, придётся ехать на Русский к Лене Строковой. Вот ещё морока. Как тебе машина, Гришенька?

– Хорошая машина, – ответил Григорий, и в памяти тут же всплыло, как отреагировала на эту машину Нина Саблина, его странная новая знакомая с непроницаемыми японскими глазами. – «Ягуар», однако! – и засмеялся.

– Не нравится? – прищурилась мать довольно холодно, уперев руки в бёдра. – Отец в салоне делал предварительный заказ на эту модель. Мы ждали её два месяца, между прочим, сын. Готовились!

Осторожнее, Григорий, услышал он где-то внутри тихий предупреждающий голос. Он настолько привык к этой фразе, что она автоматически воспроизводилась у него в голове, как только в атмосфере начинали сгущаться тучи.

– Ну что ты, мама, – улынулся он как можно мягче. – Я в восторге. Просто... трудно привыкнуть к тому, что у тебя теперь собственная машина. Да ещё «Ягуар».

– У Геловани всё должно быть самое лучшее, – констатировала мать без тени иронии. – Пойдём обедать, – добавила она уже спокойнее. – Дина уже накрыла на стол. Иди, умывайся и в столовую.

О, Господи, она ещё и обед успела организовать!

Совсем плохо. Если попробовать отказаться от обеда, начнёт допытываться, где и что он ел... и с кем. Придётся выкручиваться... а то и снова лгать. Лгать Григорий ненавидел и совершенно не умел. А образ удивительной незнакомки, лежащей на асфальте и спокойно глядящей в небо, ему хотелось спрятать и уберечь, как драгоценную икону от воинствующих большевиков. Это точно не для мамы...

Григорий любил родителей. Но иногда задавался крамольным вопросом: любили ли они его?.. Кем он являлся для них на самом деле? Послушным сыном, образцовой вывеской для демонстрации деловым партнёрам и сильным мира сего? Будущим наследником, которого ещё натаскивать и натаскивать, чтоб не дай Бог, не растранижил потом накопленное добро? А может, надо было так – иметь ребёнка, чтобы... чтобы что?..

Лучше остановиться здесь. Как всегда. Опасная зона. Знак «Возможен камнепад»...

– Гриша! Григорий, ты где? – в мамином голосе металлически звенькнуло недовольство.

Вздыхнув, он вытерся пушистым полотенцем и отправился в столовую. Не впервой есть на полный желудок...

Их элитный дачный посёлок располагался в пригороде, недалеко от побережья Амурского залива среди пологих сопок и традиционных для этой местности зарослей монгольского дуба. Семья Геловани въехала сюда весной, а на соседний участок ещё раньше в роскошный дом из розового кирпича заселились Алексашины – давние друзья и деловые партнёры Эдуарда Геловани.

Виталия Алексашина за глаза называли «японским богом», поскольку свой бизнес и немалые капиталы он поднял на торговле с Японией. Начав с бытовой химии и шампуней, он постепенно вырубил на автомобиле и морскую технику, и не только не был съеден жестокими конкурентами, но и сам успел проглотить парочку. Вот что значит вовремя завязать связи с нужными людьми! Но хорошо зарабатывать деньги – это одно, а вот грамотно их вкладывать – совсем другое. И он предложил давнему, ещё школьному другу Эдику Геловани заняться банковским делом. Эдик неожиданно легко согласился, и дело пошло... Со временем Эдуард возвратил (с приличными процентами) деньги, одолженные Виталием, и стал вполне самостоятельным дельцом. Но благодетеля не забыл.

У Виталия росли дочки – Эльвира и Лолита, и Григорий с Эльвирой были, фигурально выражаясь, помолвлены ещё с подросткового возраста. Виталий и Эдуард любили под кружечку холодного чешского умиляться по поводу будущего ненаглядных деток. Их жёны в это время обсуждали детали предстоящего события, подвенечное платье невесты и постоянно редактировали список гостей.

Вот только знай они, как всё обстоит у «деток» на самом деле...

– Элька, – приглушённо проговорил в телефон Григорий, поднявшись, наконец, в свою комнату и стягивая на ходу рубашку. – Ты дома? Можешь говорить? А ещё лучше, сбежать? На наше место?.. Можешь?.. Отлично. Поговорить надо. – Он лукаво улынулся своему отражению и сдвинул зеркальную дверцу шкафа-купе, чтобы нашарить футболку. – Очень срочно. Не по телефону... Нет, случилось, но не страшное. Ну всё, жду. Давай.

Он нажал отбой и потянулся за джинсами.

Через пятнадцать минут он, воровато оглянувшись, выскочил из дома через кухню, прошёл мощёной тропинкой через неосвоенную пока территорию под сад, мимо понурых хвойных кустов, ещё не оправившихся после пересадки, и вышел задней калиткой на тропинку, которая вела через сопку на залив. Тропинка вилась круто, словно протоптанная горными козлами, и пользовались ей разве что местные пацаны. Зато она спускалась на уединённую бухточку между двумя небольшими, поросшими дубом мысками. За мыском справа располагался ухоженный закрытый пляж для жителей посёлка, а слева тянулась каменистая неудобная коса, облюбованная только чайками.

На большом ребристом камне, во время прилива торчащего в самой полосе прибоя, а сейчас устало и одиноко лежащего на берегу, рисовался силуэт тоненькой девушки с рыжеватыми-золотистыми растрёпанными кудряшками. Лёгкая блузка трепетала на ветерке, и Григорию невольно вспомнилась картина Пикассо с могучим атлетом и гибкой девочкой на шаре. Он залюбовался, сунув руки в карманы джинсов и улыбаясь.

Он не художник, вовсе нет, а начинающий поэт... Но у него не хватит слов, чтоб описать свою любовь...

Строки сложились моментально, и Григорий помотал головой, чтобы поскорее их вытряхнуть. «Натура поэтическая», – иногда, рассердившись, называл его отец, и в тяжёлом голосе плескался сарказм. Геловани, мол, – дельцы и вояки, а не какие-то там хлипкие интеллигентишки!..

Григорий, хорошо изучивший деяния своих предков, мог бы аргументированно поспорить с этим, но привычно отмалчивался. Зачем?.. Спорить с отцом – всё равно, что въезжать на полной скорости в гранитную скалу...

– Эля! – позвал он, наконец, и пошёл к камню.

Девушка обернулась с улыбкой и легко спрыгнула с камня. Подбежала, чмокнула в щёку. От неё пахло свежестью, морем и какой-то фруктовой жвачкой. Элька их обожала, и в её кармане всегда болталась упаковка какого-нибудь «Дирола со вкусом лесных ягод».

– Привет, – сказала она. – Ну как, нашли кафешку?

– Да, вроде, – ответил Григорий. – Пошли, достанем шезлонги.

Элька открыла это чудесное место ещё до переезда семьи Геловани, и моментально в него влюбилась. Позже они с Григорием устроили в дубовой роще небольшой тайник, куда сложили два завёрнутых в полиэтилен шезлонга, маленький складной столик, пляжный зонт и кое-какую посуду, чтоб не таскать всё это каждый раз через сопку. Теперь в любое время можно было уютно устроиться на берегу вдвоём или в одиночестве... Эта бухточка стала их убежищем, приютом для души. Тайным уединением для... дружеских встреч.

Григорий и Эльвира очень дружили. Родители их радовались и строили планы, и они тоже строили. Только по отдельности. Впрочем, они тоже очень любили обсуждать эти отдельные планы на свои отдельные жизни. Детская дружба так и не переросла в любовь. Хотя, надо признать, они честно попытались оправдать родительские ожидания. Пробовали целоваться, когда Гришке только исполнилось восемнадцать, а ей ещё шестнадцати не было. Долго смеялись. Невкусно было...

Потом, на всякий случай, попробовали ещё разок – перед тем, как Григорий призвался во флот. И опять что-то «не срослось», как нынче принято говорить. Не вспыхнуло, не зажглось, не утопило в клокочущем водовороте...

Потом долго разговаривали и твёрдо решили больше не пробовать. По нынешним временам они оказались чудовищными, архаичными пережитками, потому что ждали Любви.

Именно такой – Любви с Большой Буквы...

Дураки, одним словом.

Элька стряхнула мусор с сиденья и забралась на шезлонг с ногами, скинув шлёпанцы. Григорий сделал то же самое. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга.

Вечерело, по спокойному мелкому заливу жидким золотом растекалось закатное солнце. Лёгкий тёплый бриз ласково прикасался к их лицам, словно нежными любящими руками. Григорий загадочно улыбался и молчал. В конце концов, Эльвира не выдержала и расхохоталась.

– Ну ладно, ладно, ты меня перемолчал, сдаюсь! Давай, вываливай, что там у тебя!..

– Догадайся, – лукаво склонил голову Григорий.

– Гришка, мне затемно надо вернуться. Я ведь уткнулась, никого не предупредив, и телефон не взяла, как и ты. Так что давай, переходи к сути, окей?

Григорий деланно вздохнул, взгляд его устремился в розовеющие небеса. И вдруг соскочил с шезлонга, широко распахнул руки. Лицо его сияло.

Эльвира какое-то время таранилась непонимающе, с нарастающим раздражением. Вот, выкобенивается тут не пойми зачем, а ей пора бежать!.. А то Лолка, зараза, матери донесёт, что сестра, на ночь глядя, куда-то смылась и телефон не взяла! И что тогда будет, даже подумать стра...

И тут вдруг защемило сердце, словно туда невесть как залетел осколок стекла.

Эльвира медленно поднялась, прижимая к груди тонкие руки. Осознание случившегося вползло в её голову и душу медленно, словно толчками, в такт сбившемуся пульсу.

– Ты ... встретил... ЕЁ? – недоверчиво выговорила она плохо слушающимися губами.

Григорий только кивнул, и в его лучащихся тёмных глазах она без труда прочитала ответ. Ошеломляющий ответ...

– Элька, – вдруг опомнился Григорий. – Ты чего?.. На тебе лица нет!.. – он осторожно отцепил её руки от ворота блузки. – Ты что? – испуганно пробормотал он. – Ты... ты не... Эля, да скажи уже что-нибудь!

– Я не! – мрачно буркнула Эльвира и высвободила руки. – Я в тебя не влюблена, если ты об этом, эгоистичный хмырь!

Григорий какое-то время потерянно таранился на неё, потом весело и облегчённо фыркнул и плюхнулся обратно в шезлонг.

– О, женщины, вам имя – вероломство, прав старина Шекспир... Вот уж от тебя не ожидал такой реакции! Ты что, не рада?.. Мы же договаривались когда-то, что скажем друг другу первыми, забыла?

Эльвира медленно опустилась в своё кресло. Глубоко вздохнула и подтянула ноги к подбородку. Это была её излюбленная поза, за которую её постоянно гоняла мать.

– Наверное, рада... – она уткнулась лбом в колени и тяжело вздохнула. – Просто... неожиданно так. Просто... вот всё и закончилось, так ведь?

– Что закончилось? – удивился Григорий. – Что за вселенская скорбь?..

– Не знаю... – Она печально улыбнулась и зябко обхватила себя руками, хотя было очень тепло. – Наша юность, наверное, закончилась... Ведь мы оба так ждали, что наступит время, и кто-то из нас прибежит вот так к другому, с сияющими глазами, и скажет: «Я встретил! Свершилось!» и мы бросимся друг другу на шею от счастья.

– Что-то ты не очень-то на меня бросилась. Зато с ходу бросилась в депрессию!

Он помолчал немного и задумчиво добавил:

– Но я, кажется, понимаю, о чём ты...

– Ну, рано или поздно и до тебя бы дошло, жираф, – презрительно фыркнула Эля.

Они рассмеялись, но в смехе этом слышался отзвук печали.

Где-то над их головами в глубокой вечерней синеве чертил белую полосу самолёт, словно подводя итог их дружбе и закончившейся юности. К одному из них пришла Жизнь – новая, отдельная, своя. И второму оставалось только тихонько отойти в сторону. Дружба, конечно,

останется, как останется общение и доверие, но первое место в жизни друга придётся уступить навсегда.

Так лёгкой птицей улетает в небеса Юность, и уверенной спокойной поступью приходит Зрелость.

Они помолчали ещё немного, и Эля вдруг словно встряхнулась.

– Прости меня, Гришка. Вот уж не думала, что окажусь такой сентиментальной дурой! – Глаза её азартно сверкнули, и в этой славной задорной девчонке Григорий, наконец, узнал свою весёлую подружку. – А теперь рассказывай всё по порядку, не упуская ни малейшей, даже самой малипусенькой детальки...

... – А ты уверен?.. – с сомнением протянула Эльвира, когда они укладывали шезлонги обратно под полиэтилен и забрасывали их сухими листьями. – Как-то не слишком всё это... обнадёживает. Всё, что ты знаешь – имя да фамилия. Даже не знаешь, где она живёт.

– Я знаю почти всё, Эля. Имя, фамилию, скорее всего дом, судя по тому, что она посмотрела на него, выходя из машины. Знаю, что работает во второй горбольнице. Знаю, в каком кафе пьёт кофе после работы, – он многозначительно улыбнулся и поднял указательный палец. – Это, вообще-то, самое главное. Так что найти её – ноль проблем. Но подход нужен романтический, поэтому кафе – это именно то, что надо.

Они отряхнулись от листьев и побрели по тропинке вверх в сгущающихся сумерках. На крутом подъёме говорить было трудно, поэтому Эля молчала до самого верха сопки. Но уже на вершине всё же не удержалась:

– Слушай, но насколько я поняла, она вовсе не жаждет продолжить знакомство. И она... старше. Ведь старше?..

В голове это как-то не укладывалось. Гришка, звезда курса, умный, красивый, роскошный – по нему сохли, наверное, десятки сокурсниц; да и среди элитной тусовки, где им тоже приходилось вращаться, на Гришку заглядывались не только девицы, но и некоторые их мамы пускали откровенные слюнки! А тут – какая-то непонятная из второй городской больницы... на врача не тянет, судя по рассказу... как пить дать, медсестра!..

Это ж полная катастрофа...

Но Эля слишком хорошо знала Григория Геловани, чтобы сказать всё это вслух.

– Старше, – ответил Григорий спокойно и подал ей руку там, где нужно было обойти острый скальный выступ. – Навскидку – лет тридцать.

Эля невольно вздрогнула. Григорий заметил и рассмеялся.

– Элька, тридцать лет и двадцать пять – велика ли разница? Да вообще, неужели это так важно? Важно, что это – ОНА.

– Но как, как ты можешь быть так уверен! – Элькино возмущение всё-таки прорвало плотину, она резко повернулась, сбилась с дыхания и закашлялась. – Она... кха!.. даже телефон тебе не дала! Видно, сообразила всё... правильно... кха, кха!..

Григорий, весело ухмыляясь, похлопал её по спине. Силуэты корявых низеньких дубов медленно погружались в тёплые летние сумерки, и Эльвире даже показалось, что всё это сон, ирреальность. Не может Гришка влюбиться в медсестричку из второй городской!.. Из любой городской и не городской!..

– Слушай, Элька, – он положил ей руки на плечи. – Ты чего, опекаешь меня, что ли? Ты с моей мамой контракт, часом, никакой не подписывала? А то я ей тут, душу, понимаешь, изливаю, а через полчаса меня вызовут на ковёр в папин кабинет и начнут выпрямлять мозговые извилины!

Он рассмеялся и крепко обнял её. Эльке немедленно захотелось плакать, и она зажмурилась изо всех сил в его тёплое плечо.

– Я тебя кому попало не отдам, – глухо прошамкала она ему в подмышку. – Ишь, краля выискалась, телефона даже не дала! И кому!

– Богатенькому сынку, ты хочешь сказать, – Григорий мягко отстранил её и ласково убрал с глаз непокорные кудряшки. – Да ведь так оно и есть, милая моя Элька. И это понравилось мне в ней едва ли не больше всего... Я ведь и сам их терпеть не могу, богатеньких сыночков, ты-то знаешь. Ну, пошли, темнеет уже...

Кто угодно мог бы сейчас принять их за влюблённую парочку, неторопливо возвращающуюся с романтического свидания! Но как бы он ошибся!.. Элька ещё никогда не чувствовала себя так одиноко...

– Гриш, – робко позвала она уже у самой калитки, которая вела на задний двор её дома. – Они же тебя убьют, если узнают...

Григорий нахмурился, мечтательная лёгкая улыбка сползла с лица. Он положил руки на металлическую кованую ограду и тяжело вздохнул, будто разом постарел на полвека.

– Эля, я, слава Богу, уже взрослый, хоть пока и не слишком самостоятельный. До осени никто ничего не узнает.

Он посмотрел на неё очень выразительно, и она возмутилась:

– Если ты и впрямь думаешь, что у меня контракт с твоей мамочкой...

– Ну ладно, ладно, – примирительно сказал он и взял её за руку. – Элька, об этом знаешь только ты. И всё.

– И всё, – покорно согласилась она. – Чтоб меня в унитаз засосало, если не так.

Они зажали рты ладонями и захохотали, подхрюкивая и отдуваясь. Потом Эльвира посе- рьёзна.

– Осенью тебя отправляют в Англию на стажировку!

– Ну да... – Григорий передёрнул плечами. – Короче, до осени всё будет тихо, а там посмотрим.

– А если... если у неё кто-то уже есть? – выдала она, наконец, то, что грызло её изнутри. – Может, она вообще замужем!

Григорий смотрел чистыми и спокойными тёмными глазами.

– Эля, – сказал он серьёзно. – Эта женщина прекрасна и очень, очень одинока. Можешь не сомневаться. Ну, всё, я пошёл. Если что, пусть звонят мне, я всё подтвержу. Кроме совращения, – подмигнул он весело и крепко сжал на прощание её остренькое плечико. – Спокойной ночи!

Он повернулся и быстрым, лёгким шагом пошёл к своему особняку.

– Гриш! – окликнула она его. Сердце её сжималось в нелёгких предчувствиях, словно на доселе чистом безоблачном горизонте их беззаботной юности начали собираться тёмные холодные тучи.

Гришкин путь не будет лёгким... И пусть она всегда интуитивно понимала это и раньше, осознание того, что для него этот путь уже начался, заставляло её ёжиться от холода несмотря на тёплый летний вечер.

Он развернулся на ходу и посмотрел вопросительно, сведя брови «домиком».

– Спасибо, – искренне поблагодарила она. – Спасибо, что рассказал.

Он улыбнулся, и в почти сгустившейся темноте блеснули крепкие белые зубы.

– Мы ж договаривались, – напомнил он, снова повернулся и бесшумно растворился в тени.

Глава 3

Она брела по длинному и, похоже, мраморному коридору, закутанная в чадру, и на лбу подрагивали золотые монеты, вплетённые в кружево. Куда ведёт этот нескончаемый коридор с редкими, вытянутыми арочными окнами, забранными частыми позолоченными решётками?

Наконец, она оказалась у высоких дверей, покрытых резьбой и инкрустациями. Затежливо изгибались драконы и змеи, гордые львы поднимались на задние лапы. Она хотела потрогать льва, но испуганно отдернула руку, потому что животное грозно оскалило пасть. Как такое может быть, в бессильном изумлении подумала она, но тут двери сами собой начали медленно отворяться, и сердце заколотилось где-то у самого горла, неприятно отдавая в гортань.

Тронный зал, ахнула она про себя. А что я-то здесь делаю?..

В высоком и невероятно просторном сводчатом зале было тихо и сумрачно, словно в готическом соборе. Его мощь и величие подавляли, заставляя ощутить собственное ничтожество...

Я не ничтожество, сердито подумала она и храбро перешагнула порог.

В самой глубине пространства, пронизанного отдельными лучами солнца из узких прозелей в куполе, виднелся трон на высоком постаменте из белого камня. Каким-то образом она вдруг оказалась у его подножия, хотя не сделала ни шага. Высокая фигура в одеянии из золотой парчи величественно поднялась с сиденья и начала медленно, шаг за шагом, ступень за ступенью, спускаться к ней... Шуршание парчи и тяжесть шагов заполнили всё её дрожащее, перепуганное существо. Но она стиснула зубы и решительно откинула вуаль покрывала.

На неё смотрел молодой человек неземной красоты. В ласковых тёмных глазах отсвечивали золотые искры. Он нежно обхватил её лицо ладонями и произнёс мягким, чарующим голосом:

– Доброе утро, княгиня. Как тебе спалось, краса моя ненаглядная?

Его губы накрыли её рот, она вздрогнула от сладкого, невероятно сильного ощущения и...

Проснулась.

В пыльное окно и вправду светило солнце, весёлым и жарким лучом дотрагиваясь до лица. Нина сонно зажмурилась и с силой выдохнула, прогоняя остатки наваждения. Похоже, вчерашний парень с княжеской биографией умудрился пробраться и в её сны...

Вот настырный!

Она криво усмехнулась, потёрла заспанные глаза и села в кровати. Будильник на столе показывал половину десятого, и она недовольно поморщилась. Редко она так долго спала по утрам. Видимо, вчерашний день чересчур перегрузил эмоциями и усталостью... Поздно вставать ей почему-то казалось неким кощунством. Утренние часы вроде как самые продуктивные, по словам всяких умных физиологов...

Позавтракав остывшей овсянкой и яйцом «в мешочек» она села с кружкой кофе на подоконник, на своё излюбленное место. Впереди ещё три свободных дня, если на работе не случится очередной аврал. Авралы случались то и дело, и раньше Нина всегда старалась уехать куда-нибудь из города, «забыв» телефон. Но сейчас, как ни странно, ей хотелось аврала, чего угодно, только не бестолкового сидения в душной квартире. Надо хоть окна, наконец, помыть... А то мать опять ей навываривает, когда вернётся.

Впрочем, сегодня воскресенье, даже если окна и в самом деле помыть, мать всё равно будет недовольна – работать-то в воскресенье нельзя.

В общем, надо уже сделать что-нибудь или мотать на море. Судя по всему, сегодня опять будет жара... Раньше в такой вот летний знойный денёк они бы с Анькой...

Стоп. Стоп, стоп, стоп.

Она сполоснула кружку и побрела в ванную за тазиком и мочалкой. Чтобы не доставали мрачные мысли, лучше заняться делом. А мать – ну, так она всё равно найдёт, к чему прицепиться, если будет не в духе.

И тут в дверь позвонили.

Странно, подумала Нина. Родители в церкви, они обычно не возвращаются так рано. Да и дверь почти всегда открывают своими ключами...

Гостей не намечалось никаких.

Разве что какие-нибудь электрики-сантехники?.. Стоп, сегодня же воскресенье.

Сердце вдруг замерло и потом начало часто-часто бухать в грудную клетку.

Уймись, сердито приказала ему Нина, идя по коридору. Чего выдумываешь?.. И глянула в глазок.

И вздохнула – то ли с облегчением, то ли разочарованно. Попробуй, пойми женское сердце, говорил когда-то один старый знакомый...

На пороге стояла Ирка – длинный зелёный сарафан, расшитый по подолу диковинными цветами, плетёные браслеты на изящных сухих запястьях, русая коса через плечо, чуть близорукие зелёные глаза. Самодельная лоскутная сумка в контраст сарафану.

Ирка всегда оставалась Иркой – в городе ли, в поселении. Самобытная, чуть простоватая, с виду этакая «девочка-припевочка», а на самом деле – натура сложная и поэтическая. И очень добрая. Ирка-миротворец, как её прозвали друзья-поселяне.

– Ну, привет, – улыбнулась она и сняла с плеча сумку. – На порог-то хоть пустишь? Я нажарила твоих любимых пончиков!

– Только я могу купиться на пончики, – усмехнулась Нина, приходя в себя от неожиданности. – Правда, не всякие, а только твои. Привет, – она обняла Ирину и поцеловала в щёку. – Давай, заходи...

В тесной кухоньке с трудом помещались стол, плита, посудный шкафчик и втиснутая в угол мойка. Нина плюхнула на плиту чайник и привычно уселась на широкий подоконник. Ирка пристроилась за столом, достала пакет с пончиками. Выложила на тарелку аппетитные румяные колечки со следами сахарной пудры. Нина, только что выпившая чашку пустого кофе, ощутила, как рот наполняется слюной. Иркины пончики... Но где-то внутри тенькнул знакомый колокольчик. Ирина редко появлялась в городе, разве что навестить родных или что-то купить. Она почти безвылазно жила у себя на поместье, утверждая, что там ей настолько хорошо, что никуда не тянет. Родные очень любили её и помогали, чем могли, хотя сами пока не решались оставить городскую жизнь. Но Ира Протасова – художница, рукодельница, на все руки мастерица, действительно не нуждалась в бешеных и суматошных городских ритмах. Её работы на поместье стали ещё вдохновеннее, ещё поэтичнее. Один из поселян-соседей помог ей организовать собственный небольшой сайт, а давняя подруга семьи Протасовых периодически пристраивала её творения в сувенирные магазинчики, где они охотно раскупались. Люди уже начинали спрашивать работы Ирочки Протасовой. Что-то было в них, в этих картинках, шкатулочках, тарелочках и досочках, расписных платках-парео и вышитых рубашках... Что-то тёплое, живое, настоящее.

Такая вот она, Ирка.

И она явно не просто так сейчас сидит у Нины на кухне...

Ирка трещала весело о погоде, покупках и всякой прочей ерунде, и Нина поддакивала ей и в нужных местах улыбалась. И ждала.

– Мы соскучились по тебе, – вдруг, без всякого перехода, тихо сказала Ира. – Мы всё ждём, ждём. А Аня говорит, что это она во всём виновата.

Вот оно.

Приехали, Нина Савельевна. Вылезайте, конечная. Поезд дальше не пойдёт...

– В чём это она... виновата? – подняла она, наконец, на Ирку смятенные чёрные глаза.

Ира молчала, разглядывая нарисованные на клеёнке фрукты. Над кружкой с остывающим чаем вился тонкий парок. За приоткрытым окном лениво шелестел размякший на солнце старый тополь.

– В том, что ты... депресснячишь, – вымолвила Ирина, и в кухне снова повисло тяжёлое молчание.

Надо было сопротивляться. Надо было возмутиться – громко, решительно; рассердиться всерьёз – мол, что за несусветная чушь! Да как вы подумать могли такое! Подруги, называется! Нина уже открыла рот, но захлебнулась первым же глотком воздуха. Тоска привычным горьким обручем сдавила грудь. Всё ведь именно так и обстоит. И зачем лицемерить? Зачем притворяться перед самыми дорогими людьми? Разве так поступает Любовь?

Так поступают трусы.

Нина была хорошо осведомлена о своих недостатках, но трусости среди них вроде бы не числилось... вплоть до этой весны. Кажется, прокуратор Иудеи что-то такое говорил о трусости... что-то крайне неприятное.

Поэтому она сползла с подоконника и уселась с другого торца стола. Подпёрла руками голову, помассировала неприятно ноющие виски.

– Ира, – сказала она мрачно. – Я понимаю прекрасно, что ты с самыми благими намерениями... но не знаю, что тебе на это сказать. Знаю только, что в душе у меня полный кавардак... и я не могу с этим... хм... пожалею твои нежные уши, ехать к беременной Аньке и делать вид, что всё нормально...

Она вдруг осознала, что на глазах закипают жгучие, злые слёзы и задрала голову в потолок. Это всё Ирка, яростно подумала она, с её вселенской добротой!.. Все они белые и пушистые, одна я со своей тоской и одиночеством, словно мрачный холодный монстр в океанской пучине... Никому не нужное пустое место.

– Ты думаешь, ты одна такая, кому чужое счастье... как ком в горле?.. – вдруг тихо спросила Ира, и когда до Нины дошёл ошеломляющий смысл сказанного, она столь резко опустила голову, что жалобно хрустнула шея.

Ирина смотрела печальными зелёными глазами.

– Уж не хочешь ли ты сказать... – начала Нина недоверчиво, но Ирина вдруг встала и ушла в окно невидящим взглядом.

– Нина, – сказала она с неприсущей ей твёрдостью. – Нам всем пора уже замуж. Пора девичества закончилась. Всему своё время, и нам уже пора. Просто мы немного заигрались в девчонок-подружек. Всё это было хорошо, но времена изменились – пора меняться и нам. Зависть, конечно, нехорошее чувство, но вообще-то нужное. Оно даёт тебе понять: так, дорогая, ты хочешь того же что и у неё, так ведь? Так действуй! Встряхнись! Иначе я тебя съем. Вместе с твоей дружбой...

Она повернулась, взглянула и мягко, и одновременно строго – как учительница на расшалившуюся первоклашку, и продолжила:

– Пойми, Нина, мы все останемся подругами – настоящими подругами только в одном случае. Сама догадаешься? Или подсказать?

Нина с мрачной усмешкой откинулась на спинку стула и сложила на груди руки.

– Когда все станем добропорядочными семейными матронами с кучей детишек, ты хочешь сказать?

– Не обязательно с кучей. Но с детьми, да. И с мужьями. И... с поместьями.

Нина сморщилась, будто целиком разжевала лимон.

– Ну вот, приехали... – пробормотала она. – Опять я со своим свиным рылом в калашный ряд...

– Неправда! – горячо воскликнула Ира и даже подалась к ней всем телом. – Я прекрасно знаю весь этот твой напускной цинизм. Мол, не верю я в сказки, и это всё не про меня. Про тебя! И про меня. То, что у Аньки получилось – это её личная победа, её результат. Она молодчина, ты знаешь, через что ей пришлось пройти, но она точно знала, чего хочет, и сложа руки не сидела. И нам нельзя, Ниноля, сложа руки сидеть... Надо действовать.

– И что, как ты намерена действовать, чтобы всё-таки охмурить Сашку? – невинно поинтересовалась Нина и тут же пожалела об этом.

Подленько получилось, чего уж там...

Ирка будто обмякла, глаза снова подёрнулись печальной дымкой. Вернулась на место и отхлебнула остывший чай.

Нина, сгорая от стыда, включила плиту подогреть чайник.

– Прости меня, Ириш, – пробормотала она, не глядя на подругу. – Я, как видишь, злая стала совсем...

– Да нет, – вяло ответила та. – Злая, да честная. Я сама уже себя задолбала с этим Сашкой. Я очень хочу отцепиться от него, – она подняла на Нину затравленные глаза. – Только соберусь – а он опять мимо проходит, а я опять...

Она спрятала лицо в ладони. Нина уныло молчала, не зная, что сказать, и не умея утешить. Утешать вообще не её специальность – только разве что правду-матку резать, отчего и подруг-то, кроме Аньки с Ирккой, у неё так и не состоялось. Какие уж тут подруги с ядовитым жалом вместо языка...

– Но я намерена действовать, – подняла вдруг голову Ирка. – Проедусь по стране, по всем слётам, которые ещё на это лето остались. Денег подкопила немного, да и родные не оставят. В конце сентября побываю на дольменах на «Восхождении», а потом домой. Короче, Нинка! Я еду искать жениха, – она весело рассмеялась, и в глаза её вернулось лучистое тепло. – Челюсть-то с пола подбери! – И рассмеялась ещё громче.

Звуки этого тёплого смеха каким-то образом проникли под толстую броню Нинкиной злости и тоски и там, под бронёй что-то отозвалось, затеплилось и начало прорасти наружу. Нина медленно улыбнулась, пораженная до глубины души. Милая, домашняя, уютная Ирочка – и вдруг – «проедусь по стране»!.. Вот так «пердимонкль», по излюбленному Аниному выражению!..

– Ну, ты даёшь! – высказалась она, наконец, и засунула в рот пончик, чтобы больше ничего не говорить.

Пончик восхитительно таял во рту. Нина замычала от удовольствия, и с удивлением поняла, что к ней возвращается вкус жизни. Панцирь застарелой тоски продолжал кусками сваливаться с измученной души. Ирка-миротворец сделала своё дело – недаром же её так прозвали!

– А ты намерена действовать? – спросила вдруг Ирка и робко взглянула на подругу.

Пончик застрял у Нины в горле, она фыркнула, закашлялась и отпила сразу полкружки чая, который, к счастью, успел остыть. Ирка тут же вскочила и начала весьма энергично хлопать её по спине.

– Прек... рати... – придушенно захрипела Нина и попыталась вывернуться. – Больно же!.. Акха!..

Она сердито плюхнулась обратно на стул, всё ещё кашляя.

– Ну, по стране я точно не поеду, – отдышавшись, саркастически заметила она. – У меня работа, знаешь ли.

– Работа, которую ты ненавидишь, – тихо сказала Ира. – Работа, которая убивает твою душу. Это не мои – твои собственные слова!

– Кто-то и эту работу должен выполнять, – привычно и устало возразила Нина.

Этот разговор уже неоднократно происходил между ними троими, и всем навяз хуже горькой редьки.

– Нина, – Ира поднялась и потянула с подоконника сумку. – Я не умею спорить и доказывать – и не люблю. Это больше по Аниной части. Ты знаешь сама, что ты не права. В общем, мне пора. Ещё хочу в магазин, нитки подкупить, пряжу и бусин всяких, по мелочи. В два часа папа повезёт меня в Родняки. Так что, если надумаешь, созвонимся. Ты ведь выходная завтра?

– Выходная, – нехотя ответила Нина и тоже поднялась. – Спасибо за предложение. И за пончики. И... за миротворчество.

Ира довольно рассмеялась и крепко обняла подругу, Нинины ноздри заполнились ароматом лаванды и розмарина. И ещё чего-то неуловимого... Души придумывала Аня, это было её страстью и высоким творчеством. Она подбирала ароматы индивидуально под женщину, стараясь прочувствовать её, составляя сложные духи из эфирных масел и душистых трав, которые выращивала и заготавливала сама. Нине достались вербена, кедр, жасмин и южная нотка сандала. Она ни за что не рассталась бы с заветным флакончиком и подушечками-саше, которыми перекладывала свои вещи. Эти духи нежно обнимали, облекали неповторимой аурой, которая словно вплеталась в сложный и загадочный узор женской души.

– Помогло хоть миротворчество? – весело осведомилась Ира, уже обуваясь перед входной дверью.

– Помогло, – сказала Нина и улыбнулась. – Ты права, наверное... Но я ещё не готова... действовать. По крайней мере так... решительно.

– Это ничего. Но с Аней надо встретиться. Ей и так плохо – токсикозит. И ещё из-за тебя переживает. Она же знает, что ты не любишь её мужа.

– Муж – объелся груш, – проворчала Нина. – Он её чуть до ручки не довёл, забыла?

– Он – хороший человек, – немедленно бросилась на защиту Ира. – Просто... сложный. И он очень её любит. Их путь – это их путь, это не наше уже дело.

– Ладно, ладно, не читай мне моралей, а? – вяло отмахнулась Нина. – Я... подъеду к полвторому.

Ирина просияла и даже несколько раз подпрыгнула в искреннем восторге. И снова крепко обняла подругу тонкими, но сильными руками.

– Нина, у нас всех всё будет прекрасно, – в её голосе звенело вдохновение. – У нас с тобой будут и мужья, и дети, и поместья. Аня просто задаёт нам тон. Какая у них любовь, Ниночка! Неудивительно, что мы с тобой малость подзастряли. Но никто не отменял нашего с тобой собственного счастья, моя дорогая! Просто надо действовать. Ну, всё, побежала! Пока! Подъезжай!

... – Что это? – глаза Нины округлились. – Во имя всего святого, Ира, что здесь творится?

Они только что приехали в Родняки, и Нина в ужасе обозревала грандиозную стройку, бурно кипевшую в самом центре поселения, где некогда была просто утоптанная площадка для общих сборов с оборудованным на ней скромным кострищем и простецкими деревянными лавочками.

Но что тут творилось теперь!..

Ирина весело хихикнула:

– Почаще надо в поселение приезжать или, хотя бы, с подружками перезваниваться! – Она повернулась к отцу, крепкому седовласому мужчине, который вёл машину:

– Пап, ты высади нас здесь и езжай ко мне. Мы минут через двадцать подойдём. А вообще вещи выгрузи в доме, да езжай – тебе же ещё к Русе сегодня.

– Ну, как скажешь, дочь, – ответил Анатолий Михайлович. – Маме вечером не забудь позвонить.

– Не забуду, пап, – она чмокнула его в щёку и открыла дверцу. – Пойдём, Нин, я тебе всё объясню и покажу!

– До свиданья, дядь Толь, – попрощалась Нина и выбралась из машины.

Скромная полянка для скромных посиделок бесследно канула в Лету... Теперь это место выглядело так, будто в него врезался метеорит. Где-то слева на дне глубокой ямы рычал экскаватор, вгрызаясь хищного вида ковшом в её стены. На выровненной бульдозером площади рядами лежали вывороченные булыжники, а в самом центре среди скопления всякой техники в земле торчали бетонные основания фундамента будущего здания. Люди в разноцветных касках и разномастных спецовках деловито сновали туда-сюда, похожие на ярких фантастических насекомых. В некоторых из них она узнала старых знакомцев-поселян, остальные, очевидно, являлись наёмными рабочими. На деревянном постаменте, возвышавшемся на краю чудовищного безобразия, о чём-то спорили три человека с бумагами в руках, оживлённо жестикулируя и тыча в бумаги. Что-то в одном из них, в чёрных джинсах, футболке и заливчатски повязанной алой бандане, было смутно знакомым, но она так и не поняла, кто это. Хаос и размах происходящего потрясли её настолько, что она зажмурилась и потёрла лицо, словно желая проснуться.

Ирка хихикнула где-то рядом, и Нина стремительно развернулась к ней.

– Ну?!.. – выпалила она рассерженно. – Что?! Это?! Такое?!

– Просто забавно очень на твою физиономию смотреть, – фыркнула Ира. – Картину можно писать. «Шок – это по-нашему».

Нина хмыкнула и забралась на большой камень, одиноко лежавший рядом. Как удачно, что она надела удобное платье в спортивном стиле с мягкими кедами-баретками, позволяющими лазить почти везде! И снова окинула взглядом панораму, словно срисованную с помпезной картины советских времён: «Даёшь ДнепроГЭС!» или что-нибудь там такое.

– Подожди, дай, догадаюсь, – сделала она отрицательный жест прежде, чем Ира приступила к объяснениям. – Не иначе, наш олигарх приступил к строительству... только чего? Школы?..

– Бери больше, кидай дальше! – рассмеялась Ирина. – Центра Творчества и Развития Человека! А может, даже, дальневосточного филиала Академии Родовых Поместий. Не решились пока. А там – махнула она в сторону гигантского карьера – закладывают кратерный сад по пермакультурному проекту ученика Зеппа Хольцера. В Австрию за ним летали! – Ира явно пребывала в полном восторге. – Вон он, ученик – на помосте. С переводчиком.

Нина ошалело переваривала услышанное. Да что за массовое помешательство тут без неё произошло?!

– Вы все с ума, что ли, посходили? – от возмущения она чуть не свалилась с камня – пришлось соскочить. – Это Анькин олигарх вам мозги посворачивал – Да это же... это...

– Я понимаю, – спокойно отозвалась Ира. – Выглядит пока чудовищным варварством. Но, поверь, олигарх, как ты его называешь, ни к чему нас не принуждал. Просто выразил готовность профинансировать стоящие проекты. И Аня, между прочим, одна из последних согласилась на такие кардинальные перемены. Да мы тут весь июнь спорили до хрипоты из-за этого проекта. Тебя ж не было...

– Да при чём тут я, – мрачно буркнула Нина. – Я ж даже не кандидатка в поселяне...

Ирина нахмурилась. Она не любила, когда её подруга подчёркнуто отстранялась от Родняков. И прекрасно понимала, что причина не в нежелании Нины поселиться вместе с ними, а в сложных жизненных обстоятельствах подруги. Но Ире не нравилось и то, что Нина как-то и не пыталась хотя бы сделать шаг, чтобы начать менять эти обстоятельства... Она рассеянно поковырялась в сумке, чтобы ничего не отвечать и вдруг обнаружила, что в сумке нет телефона. Опять она, по всегдашней забывчивости, оставила его у папы в машине!

– Нина! Я телефон у папы забыла! Побегу, пока не уехал, – подходи! Потом вместе к Ане сходим, ладно?

Нина невольно улыбнулась. В этом вся Ирка – слегка суматошная, лёгкая, светлая. Как птичка. Такая родная.

– Лети уж, – сказала она вслед стремительно убегающей подруге. – Ласточка...

Аккуратно, стараясь по возможности не выпачкаться, она пошла по развороченной земле в сторону карьера. Может, всё-таки и есть в этих грандиозных переменах какой-то смысл... Но сердце щемило оттого, что её тихие, уютные Родняки, пристанище её души, похоже, уходят в прошлое... Меняется всё, бежит время, улетают крылатыми птицами дни, а она словно застыла на краю высокого обрыва во времени и в пространстве, залипла в вязкой тягучести своей бессмысленной маленькой жизни...

Как выбраться?

Как перемениться?

Как... переродиться?

Нина обошла карьер, задумчиво разглядывая ползающий по дну экскаватор, букашек-людей, продвигающихся по уступам-террасам и направляющих движения ковша. Только сейчас она увидела, что яма-карьер имеет красивую фасолевидную форму и уступами, сформированными из грунта, спускается ко дну. Значит, на дне будет пруд, а на этих уступах посадят фруктовые деревья... Она ведь смотрела фильмы о пермакультуре Зеппа Хольцера. А теперь видела всё воочию. Неожиданно ей стало интересно. Солнце нещадно палило, и она смутно пожалела, что не сунула с собой кепку. Чёрные волосы мгновенно накалились на солнышке. Она глянула в сторону стройки, направилась к трём каким-то чудом оставшимся невредимыми дубам, под которыми раньше стояла скамейка, и остановилась в их густой тени. Если судить по размерам фундамента, здание будет ох, немаленьким...

Всё-таки с ума они все посходили с лёгкими-то олигарховыми денежками...

– Здравствуйте, Нина, – внезапно сказал кто-то совсем рядом.

Нина вздрогнула и резко обернулась, выронив веточку, которую рассеянно вертела в руках. И только сейчас до неё дошло, что рядом с ней, в дурацкой красной бандане, пыльных чёрных джинсах и футболке стоит тот самый пресловутый «олигарх» и по совместительству муж лучшей подруги...

Она так растерялась, что забыла поздороваться в ответ.

– Извините, не хотел вас напугать, – сказал Михаил Филатов и улыбнулся. – Давненько вы нас не навещали...

– Это... и вправду вы?.. – вымолвила Нина, с трудом прочистив горло.

Филатов весело хмыкнул и повёл неопределённо плечами.

– Ну, смотря, кого вы подразумеваете, – заметил он. – Меня зовут Михаил, если что.

Нина фыркнула, не удержавшись. С чувством юмора у олигарха порядок... да и со всем остальным, если не считать холодновато-стальных глаз.

Впрочем, кое-кто без памяти влюбился в эти глаза...

– Ангела будет рада, – Михаил снова приветливо улыбнулся. – Она без вас скучает.

Ангела... Ещё одна олигархова прихоть. Аню действительно звали на самом деле Анжеликой, но она не любила этого имени, сократив его до «Ани», и все знали её только как Аню. Все, кроме самых близких. Но он упорно звал её Анжелой, и она не только позволяла ему это, но и казалось, получала от этого удовольствие. Глупо, конечно, но Нине это казалось каким-то предательством...

Ну, что поделаешь, такая вот женская логика.

– А... где она?

– Дома, – просто ответил Михаил. – Впрочем, не факт. Я никогда точно не знаю, где она. Она слишком... непредсказуема, знаете ли. Но на жаре ей сейчас тяжело, поэтому, скорее всего, дома.

Глаза его как-то по-особенному блеснули, и Нина вдруг осознала, что перед ней действительно никакой не олигарх, жёсткий, властный и холодный, какого она когда-то знала, а просто обыкновенный, по уши влюблённый мужчина.

Это было так странно и неожиданно, что Нина стала всерьёз сомневаться в реальности происходящего. Может, это её очередной сумбурный сон: какая-то дикая стройка, воронка от удара метеорита, влюблённый олигарх в красной бандане... Для полного «сюра» не хватало только потомка грузинских князей с лопатой в холёных аристократических руках.

Она на всякий случай с силой провела рукой по шершавой коре дерева. Ощущения были вполне реальными, даже слегка поцарапалась.

– Вот, – взгляд Михаила устремился на что-то невидимое позади неё, и она обернулась. – Говорю же, непредсказуемая... и непоседливая.

В серебристом невесомом платье, отделанном по вороту, широкому подолу и коротким рукавам кружевом ручной работы, с заплетённой вокруг головы косой, покрытой лёгкой косынкой, к ним быстро шла Аня-Ангела, радостно улыбаясь и широко раскинув руки.

Она была потрясающе красива. Она... светилась.

Нина никогда не знала её такой.

Неудивительно, что у олигарха начисто сорвало крышу...

– Нинка! – радостно закричала Аня, ещё не дойдя до них. – Приехала! Миша, ты представляешь?!

Нина не успела и рта раскрыть, как Аня стиснула её так, что из лёгких вышел весь воздух. И у Нины что-то окончательно заклинило в голове, так, что даже закололо в виске.

Неужели Анька действительно так скучала по ней?..

Может, она, Нинка, ей всё-таки пока ещё нужна?..

– Задушишь... – жалко просипела она.

– Ты бы ещё дольше не появлялась, тогда точно бы задушила! – рассмеялась Аня, отстранила её и внимательно всмотрелась в её лицо. – Какая ты глупая, Нинка... Неужели надо вот так сбегать и кукситься в одиночестве?.. Неужели нельзя просто вывалить все горести лучшей подруге, а?

Нина молчала, пытаясь сглотнуть, чувствуя, как предательски щиплет глаза.

Какая она в самом деле...

– Миша! – вдруг воскликнула Аня, резко оторвавшись от неё, и в изумлении воззрилась на мужа. – Что это у тебя на голове, Боже мой? Ты же в бейсболке уходил?..

Михаил, до этого с улыбкой наблюдавший за ними из-под ветвей, замер, потом недоумённо цапнул узелок банданы, хмыкнул и в смущении потёр нос. У Нины в горле вдруг всё зачесалось, и она с трудом задушила рвущийся наружу смех – так восхитительно нелепо выглядел сейчас «экономический гений».

– Не знаю... – пробормотал тот и растерянно улыбнулся. – Жарко... кто-то сунул эту тряпку, а кепка не знаю где...

Аня расхохоталась так заливисто, что в лучах её счастья, любви и живого тепла растаяли остатки льда, царапавшие Нинино сердце. Она тоже засмеялась – облегчённо, свободно и поцеловала Аню в щёку. Вдохнула знакомый аромат с ноткой горной полыни.

Всё вроде не так уж плохо на самом деле... И олигарх не так уж и гадок – вон, как улыбается скромно в сторонке, даже не пытаясь навязать им своё общество... Оказывается, он может быть даже забавным...

– Прости, – покаялась она, и выдохнула длинно и облегчённо. – Замоталась... Больше не буду. Я тоже ужасно скучала...

И это, как ни странно, было истинной правдой.

Глава 4

Нина возвращалась в город счастливая и умиротворённая. Ей даже хотелось петь... Когда это ей петь-то в последний раз хотелось?.. Вот то-то, и не помнится уже...

Повезло и с машиной – один из поселян довез её утром среды прямо до её автобусной остановки.

С погодой владивостокцам нынче тоже фартило – муссоны, обычно щедро поливающие город в июле, похоже, где-то заблудились, и с неба вот уже больше недели ярко и чисто сияло солнце. Днём, правда, опять будет пекло...

Нина постояла на остановке, в задумчивости глядя на заклеенную объявлениями стену. Настроение слишком хорошее, чтобы сразу идти домой. В такое чудесное утро не мешает выпить чашку хорошего кофе со свежей булочкой...

Кофе – её слабость. Как и воздушные булочки с хрустящими коричневыми корочками, намазанные жёлтым сливочным маслом и яблочным джемом. Рот моментально наполнился слюной, она ничего не поела у Ирки – слишком рано пришлось вставать.

Решено – она идёт во «Фрегат».

«Фрегат» был организован на манер американских придорожных кафе: маленькие столики на две или четыре персоны вдоль длинной стены с окнами, вдоль противоположной стены – барная стойка во всю длину. Немного похоже на вагон-ресторан, но Нине нравилось. В это время заведение всегда было почти пустым. Сделав привычный заказ у стойки, Нина направилась к излюбленному столику в дальнем углу у окна, выходящего на оригинальную цветочную клумбу. Она обожала пить кофе, разглядывать цветы и мечтать о том, какие клумбы соорудит у себя на поместье... В эти редкие моменты «цивилизованного» отдыха всё казалось реальным – будто она выйдет сейчас из кафе, сядет в свою собственную симпатичную машинку и поедет в свои родные Родняки. И никаких изматывающих дежурств, никакой чужой боли, крови, страданий, смерти... Она приедет в своё поместье, а навстречу с визгом выкатятся дети: кудрявый черненький мальчишка и девочка со смешными хвостиками в красном платице в горох.

Дети... Семья. Случится ли когда-нибудь это и с ней?..

А что? Вот сейчас она как раз сядет, вкусно позавтракает и от души помечтает! Говорят ведь, что мысль материальна...

Радужное настроение чуть померкло, когда она обнаружила, что любимое местечко уже кем-то оккупировано. Она уже почти повернулась к другому столику, но сердце вдруг больно бухнуло в грудную клетку, и она застыла словно «морская фигура» из детской игры.

Григорий Геловани, возмутительно красивый потомок грузинских князей, ослепительно улыбался ей, откинувшись на спинку кресла и скрестив на груди руки.

Нина ошеломлённо моргнула, но наваждение не только не рассеялось, но неторопливо поднялось и поприветствовало её, элегантно склонив голову:

– Доброе утро, Нина.

– Привет, – растерянно буркнула она. И тут же смущённо хихикнула. Воспитание, однако... Не княжеское, одним словом.

Но Григорий тоже засмеялся своим необыкновенным глубоким смехом... в её животе немедленно запорхали бабочки, а в голове стало пусто, бестолково и тепло, как в печке.

Нет, какой же всё-таки настырный тип!.. И совершенно неотразимый, леший его забери!..

Какого рожна ему надо?.. В прошлый раз слишком плохо её разглядел, что ли?.. Или плохо услышал?..

Ну, сам напросился. Будет она ещё разводить «экивоки» с этим странным товарищем!

– Что-то не заметила я твоего «Ягуара» на стоянке, – в её голосе сквозило ехидство. – Или ты не брезгуешь общественным транспортом?

– Я его спрятал в соседнем дворе, – неожиданно признался Григорий и смущённо добавил, глядя в её изумлённо-весёлые глаза. – «Ягуар», в смысле. Чтобы ты не увидела его на стоянке. И не передумала попить кофе после дежурства.

На несколько долгих мгновений между ними воцарилась тишина.

– Ого! – наконец, сказала Нина. Других, более осмысленных слов у неё как-то не нашлось.

Они молча тарачились друг на друга ещё какое-то время, а потом вместе расхохотались в голос, так что подошедшая официантка чуть не уронила поднос.

– Что ж вы меня пугаете, граждане! – сердито охнула она и поставила поднос на столик. – Ваш заказ, девушка!

– Спасибо, – сказала Нина.

– Извините, мы не нарочно, – Григорий мягко улыбнулся, и Нина получила отличную возможность понаблюдать, как расплываются губы молоденькой официантки в совершенно блаженной улыбке. Это вот, значит, как выглядит она сама, когда его улыбка адресована ей!..

Ну, уж дудки!.. Ей всё-таки не шестнадцать!

Она раздражённо фыркнула и уселась за столик. Даже смазливый княжеский отпрыск не способен испортить ей аппетит! Она разломила воздушную, ещё тёплую булку и привычно-радостно вдохнула душистый пар. Взяла столовый нож, намазала маслом разлом и сверху положила толстый слой яблочного джема из вазочки. Откусила щедро, не заботясь о производимом впечатлении, запила глотком густого сладкого капучино и зажмурилась от восторга.

– Гошподи, какая я гоодная, – прошамкала она с набитым ртом, не открывая глаз. – Какое бвашенство...

И тёплый мужской смех снова вызвал волну мурашек, укатившихся в живот и тяжело осевших там. Она открыла глаза, чтобы не расплыться окончательно в сладком волнующем тумане.

Он опирался щекой на руку, улыбаясь, и глаза его были полны золотых искорок и тёмной, непонятной тайны.

Да откуда ж взялось это чудо на её голову, Господи?..

И вдруг её накрыло... Мелькнула вспышка, померкло солнечное утро и зал почти пустого кафе...

Маленький кудрявый мальчик сидел у неё на коленях, тянул пухлую, в перетяжечках, ручку и сонно хлопал прозрачными карими глазами, полными золотистых искринок...

Она вздрогнула и перестала жевать. Видение исчезло, оставив в мозгу медленно меркнувший след.

Григорий посмотрел слегка вопросительно, изящно приподняв бровь. У него вообще была очень развита мимика. Нина молча, с застывшей у рта надкушенной булочкой, разглядывала его так, словно он был не слишком приятным экспонатом из кунсткамеры.

Это уж совсем ни в какие ворота...

В конце концов, он не выдержал:

– Со мной что-то не так? Почему ты так смотришь?

Нина сокрушённо вздохнула и опустила глаза. Медленно отпила глоток.

– С тобой всё не так... – мрачно сказала она, наконец, ясно ощущая, как где-то в центре груди, прямо за грудной костью, формируется маленький тоскливый комочек.

Домечталась, блин...

Необычное видение намертво впечаталось в подсознание, в самую суть памяти и разума... Григорий Геловани всегда теперь будет вызывать в памяти образ кудрявого малыша... Так уж странно она устроена. Какой кошмар, особенно если учесть, что раньше такого не случалось.

Те немногие мужчины, с которыми она встречалась, никогда не вызывали «детских» ассоциаций...

Как хорошо, что княжеский отпрыск не владеет телепатией!.. А, впрочем, пёс его знает!.. Станный он... словно нарисованный увлечённым, романтически настроенным художником персонаж на ярком эпическом полотне...

Но одно она знала точно. Этому непонятному фарсу пора положить окончательный и бесповоротный конец. Хоть и жаль немного, но дальше нельзя. Даже ежу понятно, что нельзя!

И Нина вскинула глаза, полные холодной решимости, и бросилась в бой.

– Послушай, Григорий. Давай начистоту, а?.. – Она положила на тарелку недоеденную булку, скрестила на груди руки. Какой-нибудь умник с психологическим уклоном сказал бы: «закрылась».

Григорий тоже скрестил руки и откинулся на спинку. В глазах замерцал непонятный – азартный? – огонёк.

– Давай, – спокойно согласился он. – Ты, очевидно, собираешься послать меня подальше?

Нина не смогла не улыбнуться. Но это не помешало её боевому настрою и не сбило с толку. Не на ту напал!

– Поскольку ты очень настырный, придётся вдолбить тебе несколько простых истин, – холодно заявила она. – Ведь и в прошлый раз ты всё прекрасно понял, не так ли?

Григорий молча кивнул, но уголки губ слегка дрогнули, приподнимаясь, словно сия решительная атака его позабавила. Нине это очень не понравилось. Похоже, его так просто не проймёшь!.. А ведь поначалу казался таким робким!

Она нарочито медленно оторвала зубами кусок булки, прожевала, запила его кофе. И, чеканя фразы, словно монеты, сухо продолжила:

– Мне тридцать один. Я – медсестра «Скорой помощи». Живу в «хрущобе» с пожилыми родителями на свою зарплату и их пенсии. Обладаю жёстким прямолинейным характером, за что некоторые называют меня «Нинка-полководец». Имею неприятную привычку говорить то, что думаю, поэтому у меня почти нет друзей. Не склонна заводить лёгкие, ни к чему не обязывающие интрижки, поэтому, наверное, до сих пор одна, – она вздохнула и посмотрела невидящим взглядом на цветы за окном. – Так что, Гриша... Твоя молодость, внешность и твои деньги – это, конечно, для кого-то, может и хорошо, но... Словом... – тут она запнулась, почувствовав вдруг огромную усталость, и не умея облечь в понятные слова весь тот сложный и противоречивый кисель, что бродил у неё в голове. – Не знаю, что тебя во мне так привлекло, но, надеюсь, теперь-то ты понял, что я... что со мной... Короче, я думаю, тебе следует поискать развлечений... с кем-нибудь другим и лучше... из своего круга и своего возраста.

Уф-фф!.. Она чуть помолчала, сцепив в напряжении пальцы, дожидаясь, чтобы её маленькая отповедь «всосалась».

Он молчал, рассеянно обводя пальцем нехитрый орнамент на чашке. Тёмная длинная чёлка упала на глаза, скрывая от неё их выражение. Без его взгляда, тёплого, согревающего, вдруг стало холодно и очень одиноко...

Она была честна с ним. Но что-то внутри, в самой недоступной глубине души, неприятно морщилось, пока она привычно жёстко расставляла всё по тем местам, которые считала единственно правильными. И всё же что-то было не так... словно птица решила стать рыбой, нырнула в толщу воды, и немедленно начала тонуть, с огромным трудом ворочая когда-то сильными и лёгкими крыльями...

Но теперь уже поздно, теперь уже всё.

Она тихонько вздохнула, и плечи как-то сами собой поникли.

Он всё молчал.

Наконец, она не выдержала и осторожно спросила:

– Я надеюсь, теперь тебе всё ясно? Извини за откровенность, но ты сам напросился...

И тут Григорий поднял голову и начал негромко, но выразительно декламировать:

*Два лезвия кинжала одного,
Они спиной обращены друг к другу.
И меж собою делят оттого
Один позор или одну заслугу.
Честь не двулика. И не раз бывало,
Кинжал надёжно защищал её.
Не потому ль два лезвия кинжала
Единое сливает остриё?
Мерцает сталь холодная сурово,
И я желаю более всего,
Чтобы сливались истина и слово,
Как лезвия кинжала одного.*

Он умолк, посмотрел немного виновато и мягко улынулся.

Она молчала тоже, совершенно растерявшись. Куда только делся боевой пыл?.. Вместо него в душе воцарился хаос, круто замешанный на легкомысленно скачущих, рваных, перепутанных эмоциях.

Вместо того, чтобы скромно извиниться и распрощаться, этот тип читает ей стихи!.. Про какой-то там кинжал и честь, Господи! Что за бред?..

– Это... что? – глупо спросила она, наконец.

– Это... ты, – он тихонько засмеялся, потёр в смущении лицо, и она невольно залюбовалась его длинными, изящными пальцами. – Ну, точнее... есть у меня слабость к поэзии. Если человек мне интересен – я подбираю к нему стихотворение. Вернее... оно как бы само подбирается. Такая у меня... «фенька», что ли. Я знаю очень много стихов. И вот это стихотворение почему-то звучит, когда я смотрю на тебя. Это кабардинский поэт Алим Кешоков.

– Какой-то... не слишком женственный образ, – потерянно пробормотала Нина.

– Ну... да. Но именно так у меня случаются стихотворные ассоциации... спонтанно, сами по себе начинают звучать... Честь, чистота и истина. Это есть в тебе, может, ты просто не осознаёшь. Хотя... действительно, впервые у меня так не женственно получилось... по отношению к женщине... Хм...

Он был заметно сконфужен, что её слегка порадовало. Не всё же ей одной сидеть не в своей тарелке!..

– Но ты и вправду необычная, Нина. Не зря же тебя прозвали «Нина-полководец», – он весело прищурился.

Судя по всему, не собирался он ни извиняться, ни прощаться, ни, тем более, уходить.

Она рассмеялась неестественным надтреснутым смехом:

– Ты от меня не отцепишься, нет?

Он посмотрел как-то глубоко, в самое дно её взлохмаченной души, потом потянулся и взял её руку. Она обессиленно и покорно позволила волне сладкого растворяющего тепла прокатиться по её жилам, при этом чётко осознавая, что никакая на свете сила не заставит её выдернуть ладонь.

– А ты, правда, хочешь этого?.. – спросил он очень серьёзно. – **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** хочешь?..

Нина смотрела на него, словно под гипнозом, широко распахнутыми и затуманенными глазами. Потом медленно поводила головой из стороны в сторону, словно признавая полное и окончательное поражение.

– Значит, и не нужно, – заметил он, улыбаясь, и легонько погладил её тонкие смуглые пальцы. – Зачем сопротивляться неизбежности?

– Ты... очень странный. Я никогда не встречала таких, как ты, – пробормотала она и попыталась высободиться.

Он мягко сжал её ладонь, и она снова покорно замерла. Да что же это такое?..

– Может быть, – согласился он покладисто. – Но и ты не так проста, какой, очевидно, хочешь показаться. И, чтобы между нами не было тумана и недоговорённостей... Мне – двадцать пять, если это так уж важно для тебя. Я только что окончил университет и получил диплом юриста. Служил во флоте. – Он позволил себе чуть усмехнуться, видя, как её глаза заметно расширились в удивлении. – Я прекрасно понимаю, кем ты меня видишь. И отчасти ты права. Я действительно из... обеспеченной семьи... очень обеспеченной.

Он замолчал и позволил её руке выскользнуть. Потом пристроил запястья на краешек стола и начал сплетать и расплетать пальцы.

– Так уж получилось, Нина, – сказал он невесело. – И я... научился это принимать.

– Это, наверное, так трудно!.. – саркастически усмехнулась она.

И тут же стыд чиркнул по щекам румянцем. Ну, чего лезешь?.. Куда ты лезешь, язва?..

– Порой это совершенно невыносимо, – сказал Григорий совершенно серьёзно, и в его помрачневшем взгляде она, как ни силилась, не уловила ни фальши, ни рисовки, ни тени шутки. – Это ломает, сминает личность, пачкает душу. Мои родители властны и деспотичны, они не признают никого и ничего. Кроме денег и связей, – добавил он и глубоко вздохнул, словно успокаивая взметнувшуюся внутри тяжёлую волну. Потом поднял глаза, и снова её мгновенно затянуло в их тёмную тёплую бездну. – Но я тоже не склонен... как ты выразилась, «к лёгким, ни к чему не обязывающим интрижкам». Хотя, случалось всякое, признаюсь честно... Но это не то, что я ищу.

Тут ей, конечно, полагалось томно вздохнуть, опустить ресницы и спросить, чего же он всё-таки ищет, позволить губам сложиться в мягкую, зазывную улыбку... И получить соответствующий, весьма перспективный ответ. Женщина она или где?..

Вместо этого она залпом допила остывший кофе и тоскливо обзрела остатки булки с джемом. Хотелось доесть эту несчастную булку, несмотря ни на что. Нина терпеть не могла бросать еду недоеденной. Грех какой, как мать постоянно твердит...

И неожиданный смех снова обласкал её, как прозрачная волна ласкает босые ступни человека, идущего по песчаной кромке моря.

– Прости меня, Нина. Я тут со своими откровениями – а ты ведь есть хочешь... И ты умеешь так вкусно есть, что я тоже хочу. Что тебе взять? – спросил он, поднимаясь. – И что посоветуешь мне?

Нина хихикнула, совершенно очарованная и окончательно сбита с толку. В её душе сквозь рваные тучи сомнений, невысказанных вопросов, невнятных страхов и праведного негодования вдруг яркими лучами стало пробиваться что-то солнечное, игривое, беззаботное...

– Ты заметил, что я не слишком тебе подхожу? – спросила она весело. – Ты – поэт и романтик, судя по всему, а я – товарищ прагматичный и приземлённый. Мне надо есть и пить и... хм, спать, – она вдруг отчаянно покраснела и торопливо замяла неловкость. – Мне – ещё капучино, а тебе рекомендую пиццу «Четыре сыра» – это просто песня. На мой вкус, – зачем-то добавила она и снова смутилась.

– Я вообще-то тоже ем, пью и ... сплю, – улыбнулся он, любуясь её смуглым румянцем и лёгким трепетом чёрных ресниц. – А вот насчёт того, подходим ли мы друг другу... мне кажется, рано ещё делать какие-то выводы, так ведь? Для начала надо просто подружиться, узнать друг друга получше. И у меня есть, что тебе предложить... но пока давай просто попьём кофе. Я тебе всё так сразу не выдам, – и в его глазах снова появилась знакомая лукавинка. – Я скоро.

Он отправился делать заказ, а она беспомощно таращилась ему в спину, невольно любуясь крепкой загорелой шеей, широким разворотом плеч под кремовой рубашкой, блестящими чёрными, как вороново крыло, волосами.

Пропала Нинель, пропала, птичка!..

Но если уж пропадать – так со вкусом. А этот товарищ, поэт и княжеский потомок – это совершеннейшее нечто...

Нина знала способ, надёжный, проверенный, как на самом деле прекратить эту бурю в душе, под названием «влюблённость». Переть против неё – всё равно, что выйти на рельсы и кричать приближающемуся поезду «Уйди, задавлю!». К тому же Григорий Геловани оказался упрямым, что твой осёл, и сегодня блестяще это доказал. То, что он тут сейчас наговорил... ну, красиво, но кто ж поверит?..

А так хочется верить... Упасть в это открывающееся таинственное, зовущее нечто без оглядки и сомнений...

Так хочется, что становится по-настоящему опасно. И самое опасное: маленький мальчик, тянущий пухлую ручку...

Нина зажмурилась, вздрогнув, потому что видение с новой силой и тянущей тоской пронзило её до самых пят.

Тем более нельзя терять бдительность!..

Она хочет семью, она хочет Родовое поместье. А тут... Полный «пердимонкль», как говорит Анька. Хотя вот у Аньки-то очень даже получилось, хотя ничего такого вообще не могло получиться!.. Нина вот не верила, а зря, как выяснилось!.. Наверное, ещё и поэтому она никак не могла «вписаться» в Анину новую жизнь.

Но стоп, Нина. Твоя жизнь тебя не очень-то балует, так что не расползайся в сладкой неге. Действуй, раз уж не остаётся других вариантов!

Действуй...

Что там такое говорила Ирка-миротворец? Надо действовать? Ну, вот и действуй. Но береги мозги, они тебе ещё пригодятся...

Они гуляли до самого вечера...

По набережной, по парку... Обедали на пляже пирожками с лососем, купленными тут же и запивали их томатным соком из ларька. А на ужин он потащил её в «навороченный» ресторан и учил есть устрицы: вскрывать раковины специальной лопаточкой, накалывать жуткое слизнеобразное содержимое на специальную вилочку, макать его в специальный сложный соус с терпким привкусом хрена и непринуждённо отправлять в рот, запивая всё это безобразие тончайшим белым вином. Нина уже и забыла, когда в последний раз так веселилась. На них оглядывались и косились значительно более благообразные клиенты в пиджаках и вечерних платьях, а ей было так смешно, что она вела себя, как пустившаяся во все тяжкие отличница-выпускница, с непривычки хватившая слишком много шампанского.

Григорий откровенно наслаждался её весельем и не слишком достойным поведением, а она совершенно позабыла, что она старая и мудрая, а он – всего лишь смазливый богатенький сынок.

Странно, но об этом она забыла сразу, как только они вышли из «Фрегата».

Он был остроумен, тонок, ненавязчив и скромнен. Его присутствие... согревало и баловало. Она чувствовала себя... котёнком. Маленьким пушистым комочком, которого ласкают осторожные руки большого доброго человека. Никто и никогда, даже в раннем детстве, не обращался так с ней...

Мама всегда хотела сына. И когда родилась Нина, так и не смогла перестроиться и полностью принять в свой мир дочку. Нотка отчуждённости и тщетно подавляемого раздражения

всегда тонко и визгливо вплеталась в её отношение к Нине. Правда, спустя целых пять лет, сын всё же родился. Наступила безоблачная пора материнского счастья, и какая-то часть этих счастливых лучей стала доставаться и старшей. Но через год грянула страшная, чёрная беда. Братик приболел, какой-то незначительной, обычной сопливой детской хворью. И в это время понадобилось ставить ему какую-то плановую прививку. На сопли, как это часто бывает, внимания никто не обратил – ничего, «переборет»...

Он сторел за три дня.

Не спасли.

С этого момента жизнь в семье Саблиных как-то кончилась разом.

Мать стала истеричной кликушей. Она билась, билась, билась, и ей пришлось пройти курс принудительной психотерапии. После этого она присмирела, но страшное горе выжгло из её сердца остатки тепла. Нинин отец и сама Нина осиротели окончательно, и в их жизнях всё стало серым, пыльным и пустым. Нина росла, как сорная трава, дралась с мальчишками, таскала из школы тройки и двойки, мать лупила её тряпкой, веником – что под руку попадало, а Нина рвано огрызалась и пряталась за отцовской спиной. Но её слабохарактерный, добрый отец ничего не мог поделать с норовистой дочкой с вызывающе поблёскивающими чёрными глазами – ни защитить, ни направить, ни наказать толком не мог.

Когда Нина стала угловатым юрким подростком, мать познакомилась с женщиной-прихожанкой из местной церкви. И та уговорила её сходить к батюшке, причаститься, исповедоваться, благо Людмила Сергеевна, Нинина мать, оказалась крещёной. И присоветовала привести непутёвую дочку. Мол, батюшка Алексей славится своим умением видеть насквозь людские души, и для каждого находить верный и добрый совет.

Нина до сих пор отчётливо помнила высокие своды, мрачные тёмные иконостасы и пылинки, кружащиеся в столбе света, падающего из узких прорезей-окон под куполом храма. Ноздри щекотал непривычный запах оплывшего воска, ладана, старины и людской печали.

Их провели через боковой вход в храмовую пристройку, где располагались служебные помещения. Там, в небольшой выбеленной и почти не обставленной мебелью комнате с немногочисленными иконами, их встретил батюшка Алексей, – высокий статный мужчина в простом чёрном облачении. Мать цепко держала Нинину руку, хотя надобности не было – Нина оробела и смутилась. Батюшка приветливо поздоровался с матерью, но не дал ей и слова молвить, отправив домой. А матери было что сказать, долго она перед этим перечисляла Нине все её многочисленные прегрешения!..

Но послушаться батюшку не посмела. К этому времени религия уже начала ласково, исподволь заполнять выжженную в сердце пустоту...

Нина и священнослужитель остались вдвоём. Какое-то время он молча и ласково смотрел на худенькую девчушку с чёрными косами и понурыми остренькими плечами. Нина упёрлась глазами в недавно покрашенный, глянцево поблёскивавший пол и обречённо ждала.

Отец Алексей молча взял её за руку, подвёл к столу и, слегка нажав на плечи, усадил на простую деревянную лавку. Прошёл куда-то в угол и вернулся с кувшином и двумя красивыми глиняными кружками.

– Выпей, дочка, – ласково сказал он, разлив по кружкам тёмно-розовую жидкость. – Морс брусничный. Слабость моя, – и он усмехнулся в красивую рыжеватую бороду. – Выпей, выпей, а то в горле-то сухо у тебя.

Нина и вправду давно уже пыталась сглотнуть сухую колючую слюну, накопившуюся во рту. Она осторожно прихлебнула необыкновенно вкусную, прохладную, словно из розовых утренних снов сотканную жидкость... И, не удержавшись, осушила кружку до дна.

– Ну вот, – в золотисто-карих глазах священника мелькнули весёлые искорки. – Понравилось?

Не дожидаясь её молчаливого кивка, снова наполнил кружку. Присел рядом, не напротив, как ожидала и боялась Нина, и сам со вкусом отхлебнул. И даже зажмурился от удовольствия.

Нина вдруг почувствовала, как холодная, сжавшая сердце рука, ослабила хватку. Она улыбнулась и тут же смущённо потупилась.

Отец Алексей какое-то время смотрел на неё ласково, но внимательно, а потом спросил: – Ну, дочка, расскажи, что за беда у тебя с мамой твоей?..

Нина от удивления до боли стиснула пальцы на глиняной ручке.

И тут слёзы сами собой крупным горохом посыпались на серый подол старенького платья...

Так началась долгая необычная дружба девочки и священника.

И сейчас, возвращаясь домой в сопровождении самого удивительного молодого человека, когда-либо встречавшегося ей на жизненном пути, ей вспоминался ласковый взгляд и тёплое участие отца Алексея.

Тогда, в его присутствии, она впервые ощутила себя не досадной обузой, не непонятым недоразумением, не закоренелой грешницей и непутёвой дочерью, а... человеком. Нормальным, и даже хорошим человеком.

Именно отец Алексей когда-то подарил ей две зелёные книжки про Анастасию, впоследствии перевернувшие всю её жизнь.

Уже давно нет батюшки на этом свете, идёт своим скучноватым чередом жизнь, а ощущения этого удивительного тепла и заботы так и не довелось ей больше испытать...

Вплоть до сегодняшнего дня.

– Гриша, – сказала она, остановив его на углу сквера, на который выходила окнами её многоэтажка. – Дальше не прожай. И... не спрашивай, почему.

– Чего тут спрашивать, – отозвался Григорий и осторожно, самыми кончиками пальцев погладил её руку. – Ты не хочешь, чтобы меня увидели из окна твои родители.

Нина отчаянно покраснела и до боли стиснула руки на сумке.

– Мама, – пробормотала она. – Мама... Ты не поймёшь.

– Думаю, ты ошибаешься, – заметил Григорий спокойно и сложил на груди загорелые руки.

Смеркалось, длинные тени полосами расчертили асфальт. Высоко в густом розовеющем мареве цвиркали быстрокрылые ласточки. На город опускался душноватый летний вечер. Григорий смотрел ласково, а у неё от стыда горели уши.

– Я не собираюсь у тебя ничего выспрашивать, не беспокойся, – мягко улыбнулся он. – Захочешь – сама расскажешь.

Пора было прощаться, но Нина словно потеряла способность складывать слова в предложения и вообще издавать членораздельные звуки. Пальцы беспомощно тискали несчастную сумку.

Да что это с ней? Сколько ж ей всё-таки на самом деле лет? Она осторожно подняла глаза, и снова его улыбка пронзила её до пят солнечным, золотистым теплом. Она чувствовала почти физически, как сползает с неё привычная маска холодной деловитости, показной бравады, обнажая...

Что обнажалось, она не знала, не могла даже предположить.

Кто она есть на самом деле?.. Разве она может быть по-настоящему кому-то интересна?..

– Гриша... – промямлила она, совершенно не в силах придумать что-нибудь остроумное, свежее, что раньше ей давалось без всяких усилий. – Я... очень давно так хорошо не проводила время... спасибо, – и она как-то по-детски улыбнулась.

Остро захотелось забиться в какую-нибудь маленькую норку и уснуть. Это просто сон, правда?.. и не надо потом с этим жить...

– Я очень рад, – просто ответил он. – Когда ты в следующий раз освободишься?

– Гриша... – снова забормотала она в последней отчаянной попытке стряхнуть наваждение, – может, всё-таки... не надо?.. Ты хорошо подумал?..

Он взял её за руку – вот завёл привычку! И осторожно, но крепко сжал её пальцы. Остатки её воли и самообладания скорчились в агонии, словно клочок бумаги в пламени свечи.

– Это не обсуждается, Нина, – в его мягком голосе вдруг что-то упруго звенькнуло. – Так когда?..

– Послезавтра, – выдохнула она, тихо ужасаясь тому, что говорит.

– Отлично. Во сколько? Где?

– К... одиннадцати... Давай здесь же...

О, святые небеса!..

– Захвати с собой старые джинсы или брюки. Верх тоже какой-нибудь простенький. И бейсболку или плотную кепку.

– Что?.. – совершенно растерялась она. – Зачем?...

Григорий загадочно и, как ей показалось, слегка снисходительно улыбнулся.

– Это ты узнаешь послезавтра, – Он снова легонько сжал её пальцы. – До встречи, Нина. Береги себя. И спасибо за чудесный день.

Пройдя несколько шагов, он легко развернулся на ходу, и улыбка снова озарила его лицо.

Он помахал ей и скрылся за углом.

Она стояла как истукан, с трудом приходя в себя. Долго смотрела вслед, борясь с желанием броситься за ним. Без его улыбки стало холодно и пусто, словно посреди лета дохнуло зимней стужей... И со страшной силой вдруг захотелось лечь на асфальт, как тогда, в их первую странную встречу, раскинуть руки и раствориться в пламенеющих небесах, расчерченных грациозными силуэтами ласточек. И позволить свободно течь жгущим веки непролитым слезам.

Она только сейчас осознала, что даже не попрощалась с Григорием.

Глядя в небо, она медленно подняла руки и прижала холодные ладони к пылающим щекам.

– Батюшка Алексей... Я, кажется, влюбилась, непутёвая...

Вечерний свет переливался мягко, впитывался в ничего не соображающий мозг.

Нестерпимо хотелось лечь... Раскинуть руки...

Что же теперь делать?.. Подскажи, ты один меня понимаешь... лучше меня самой.

Молчали небеса, погружаясь в близкую ночь. Вяло шелестела истомлённая солнцем листва. Цвиркали ласточки. Дома ждала сердитая донельзя мать, и потихоньку беспокоился папка. Она слышала их беспокойство, словно назойливый мышинный шорох на задворках сознания...

Это была её привычная жизнь. А что будет теперь?..

«Может, только теперь твоя жизнь и начинается, дочка...», вдруг послышался ей тихий, такой родной голос. Она резко обернулась, но... никого. Совсем никого, только вдалеке на лавочке обнимается молодая парочка.

Она постояла ещё немного, с замирающим в робкой надежде сердцем.

Ничего. Только шелест листвы и ласточки в вечернем небе.

Она покачала головой, невесело улыбнувшись. Потом закинула на плечо сумку и потихоньку побрела домой.

Глава 5

Конь смотрел на неё темным выпуклым глазом, выгибал, играясь, гордую лебединую шею, и под глянцево-чёрной шкурой буграми перекатывались литые мышцы. От него остро и волнующе пахло, широкое, как тарелка, копыто гулко бухало в землю, роскошный хвост хлестал по блестящему боку.

Нина стояла, остолбенев, обо всём на свете позабыв. Краса и гордая стать великолепного животного вызывала благоговейный трепет.

Ну не бывает таких красивых зверей!..

Когда-то в детстве у неё была любимая книжка про Конька – Горбунка, и она заморозженно разглядывала изображённых талантливым художником чудо-коней. И мечтала – не о том, чтобы ездить на таком, ей даже в голову это не приходило – она мечтала СТАТЬ таким конём, бесконечно красивым, сильным и свободным... И вот, ожившая иллюстрация стоит прямо перед ней и с любопытством выкатывает лиловый глаз...

Конь всхрапнул, потянулся к ней, и она моментально отпрыгнула. Ледяной волной прокатился по телу страх. Красота красотой, но размерами зверюга тоже впечатляла... В тот единственный раз, когда она решилась подойти к лошади, норовистая кобылка, которая, видимо, была очень не в духе, саданула задом, в сантиметрах от Нининого уха просвистело копыто... и Нина с тех пор зареклась приближаться к этим животным слишком близко.

– Не бойся, – Григорий ласково потрепал коня по носу. – Он не кусачий и вообще спокойный. Просто он подумал, вдруг у тебя что-нибудь вкусное припрятано. Хочешь – угости его корочкой с солью, у меня тут есть.

Он полез в спортивную сумку, висящую на плече. Конь обрадованно потянулся туда мордой. Григорий засмеялся и оттолкнул тяжёлую лошадиную голову. Коня это не смутило, и он снова, шумно и влажно пыша ноздрями, толкнулся в сумку.

– погоди, Раджа, охламон, – сказал Григорий наигранно-сердито, но сам тут же потёрся лбом о конский лоб. – Торопыга...

Нина замерла, впитывая глазами и всей душой открывшуюся ей картину.

Конь и человек любили друг друга, и это было... в этом было... В груди как-то странно покалывало, словно она прикоснулась к древней истине, к святому источнику. И она смотрела, боясь моргнуть. В этом странном молодом человеке открывались всё новые удивительно тонкие грани... Словно она рассматривала драгоценный камень, любясь брызгами света, преломлённого прозрачной глубиной...

...Он ждал её на углу сквера около своей чёрной пантеры-машины, хотя одиннадцати ещё не было. В простой антрацитово-серой футболке и серых же потёртых джинсах, в которых, впрочем, намётанный глаз определил бы фирменные «Левисы», он всё равно выглядел аристократично и интригующе. И Нинино сердце опять совершило дурацкое сальто и неуклюже плюхнулось куда-то в живот. Она уже собралась отвесить себе очередную мысленную оплеуху, но внезапно передумала.

Раз уж ей так повезло, надо радоваться и послать все сомнения к лешему! Прежде, чем...

Стоп, Нина Савельевна. Стоп, дорогая. Об этом мы думать не будем. Пока...

– Ты взяла джинсы и футболку? – спросил он вместо приветствия и вдруг наклонился и легонько поцеловал её в щёку. Нина от изумления замерла, как вкопанная, но, видимо, в глазах её плеснулось такое недоумение, что Григорий отчётливо покраснел и сбивчиво забормотал:

– Прости... Я просто привык... э... Ты... такая красивая... Я не думал, что...

– Ладно, – прервала его опомнившаяся Нина. – Я просто... хм. Да ладно!.. Вообще-то доброе утро. Я взяла всё, что ты просил. И всё же хотелось бы знать, для чего это всё?..

Вместо ответа Григорий облокотился на машину, уткнулся в сгиб локтя и приглушённо рассмеялся.

– Я совсем не так планировал эту нашу встречу, – сообщил он, всё ещё смеясь. – Но когда я вижу тебя, у меня мозги превращаются в кисель. Я начинаю пороть чушь. У меня руки трясутся, честное слово! И только сейчас понял, что даже не поздоровался...

Весёлое недоумение плескалось в его глазах.

– Простите меня, сударыня!.. Доброе утро. Но ты и вправду необыкновенно красива в этом платье. И ты пахнешь... волшебю. Сумасбродно ты пахнешь!..

Нина ошеломлённо тряхнула головой, ощущая, как жарким румянцем наливаются щёки.

– Перестань, пожалуйста, Гриша. Ты что, маньяк?... Я уже начинаю думать, что ехать с тобой неизвестно куда... – она нервно скомкала пояс шёлкового платья, в которое всё-таки вырядилась, после весьма изнурительной схватки с самой собой.

Но в этом платье, сшитом на заказ по её собственной задумке, она выглядела...

Ну, в общем, правильно выглядела. И получила именно тот результат, на который втайне рассчитывала...

Вот только чьи, спрашивается, мозги превратились в кисель?...

Григорий смотрел на неё и словно разучился говорить вообще.

Он был так уверен в себе, пока ехал... готовился быть безупречным, в меру остроумным и деловитым. Продумывал моменты...

И всё полетело кувырком, когда он увидел её в этом удивительно женственном платье... Оно делало её похожей на хрупкий прекрасный цветок. И словно кто-то невидимый тронул струны в сердце, и оно взволнованно отозвалось протяжным, гулким аккордом.

Женщина – цветок, женщина – кинжал. Острая хрупкая нежность...

А он тут со своими ужимками!..

И он забормотал потерянно, словно оправдываясь:

– Нин... Я не маньяк, честное слово... хотя, конечно, какой маньяк тебе честно скажет, что он – маньяк!..

Он поднял тёмные глаза, и в них было знакомое доверчивое тепло.

– Ты действительно очень мне нравишься. – просто сказал он. – Ты и сама прекрасно знаешь... Но я торжественно обещаю тебе, что наши встречи будут чисто дружескими, пока... Пока сама не захочешь большего. Если, конечно, вообще захочешь...

Какое-то время они неловко молчали. Мимо шли прохожие, иногда с любопытством косясь на них. Маленькая девочка, сжимающая в пухлом кулачке красный воздушный цветок на палочке, широко улыбнулась им.

Григорий мрачно размышлял о том, что эту встречу нельзя было испортить более основательно, даже если бы он специально старался. Но Нина Саблина действовала на него, как нервно-паралитический газ, заставляя выписывать невероятные кренделя. Такое с ним случилось впервые в жизни... Растеряться немудрено, но если она сейчас решит послать его ко всем чертям, он вполне её поймёт.

И что тогда?.. Петь серенады под её окном, рискуя получить по черепу тяжёлым предметом от рассерженной мамы?.. Что ж, и на это он готов. Не мог же он столько ждать, найти её и вот так запросто потерять!..

Но тут Нина, донельзя истеребившая пояс платья и обуреваемая тысячей малознакомых ей женских эмоций, вдруг потянулась и взяла его за руку.

Григорий замер. Её взгляд был серьёзным, строгим и в то же время необыкновенно притягательным, а от тепла маленькой крепкой ладони его сердце заколотилось ещё быстрее, хотя это казалось невозможным...

– Ловлю тебя на слове, Григорий, – сказала она тихо, но твёрдо. – И поправлю – пока мы вместе не решим, что хотим большего. Только вместе. Других отношений я не признаю.

Он серьёзно кивнул. Потом распахнул перед ней дверцу.

Она уселась в сверкающую чёрную машину, чувствуя странное, слегка пугающее спокойствие в душе и расслабленность во всём теле. Как будто происходило что-то очень правильное, но от этого не менее непостижимое и волнующее...

И вот теперь она со странной щемящей ноткой наблюдает, как общаются человек и конь.

Он будет прекрасным отцом, вдруг поняла она отчётливо, пронзительно. Самым лучшим на свете. Ей представилось, как легко он подсаживает в седло вихрастого розовощёкого мальчишку, как буйным восторгом горят детские глазёнки, и в ответ мягко и гордо лучатся глаза отца.

Она провела по лицу рукой, стараясь вырваться из сладкой грёзы, облепившей её, словно тягучая паутина. Григорий, ободряюще улыбаясь, протянул ей сумку. Нина покорно вздохнула, запустила руку внутрь и нашарила пакет с хлебными корками. Боязливо протянула одну коню, стараясь унять трепыхающееся сердце.

Конь потянулся. Её пальцы подрагивали. Григорий затаил дыхание.

Мягкими, бархатистыми, словно шляпки молодых боровиков губами, Раджа нежно прихватил корочку и энергично сжевал, обдав её руку тёплым влажным дыханием. Нину захлестнул трепет и восторг, словно она снова стала маленькой девочкой, когда-то столько грезившей лошадьми!..

– Гришка, – сказала она изменившимся голосом. – Он такой... добрый. Как ты.

И, осмелев, провела рукой по лоснящейся чёрной шее.

– При чём тут я? – спросил Григорий слегка ошеломлённо.

– Я так чувствую, – улыбнулась Нина и расхрабрилась потрогать коню нос. Раджа фыркнул, слегка вздёрнул голову, и Нина осторожно отвела руку, а потом снова погладила бархатные ноздри. – Потому что вы с этим конём одинаковые. Красивые, сильные, добрые. И вы как бы связаны... невидимыми нитями... А, не обращай внимания, – засмеялась она при виде его изумлённой физиономии. – Ты вот стихи читаешь, с людьми их ассоциируешь... а я-то тоже «с тараканами». Я иногда просто... ну как... – она вздохнула, силясь подобрать нужное слово, – «вижу». И почти всегда правду. У меня бывают сны, которые потом сбываются. На человека могу сон посмотреть, если попросит. Людей вижу легко, намерения их могу понимать. Не всегда, правда... – она немного смутилась. – Тебя, например, не очень-то могу понять. Особенно не понимаю, зачем тебе я.

Григорий задумчиво и ласково перебирал пряди конской гривы. Раджа замер и прикрыл глаза, наслаждаясь лаской.

– Я тоже чувствую и вижу людей, – ответил он, наконец. – Может, не так... мистически, как ты, но ведь у большинства людей довольно примитивные мысли, там и чувствовать нечего. А в тебе... – он прислонился к коню и осторожно глянул на Нину из-под чёлки, – в тебе я вижу дух редкой красоты и высоты. Я впервые встретил такое в женщине...

Нина фыркнула так громко, что Раджа испуганно вскинулся. Григорию пришлось повиснуть у него на шее, успокаивая его присвистом и тетешканьем. Нина попятилась, уткнулась спиной в ограждение.

– Извини, – пробормотала она. – Лошади такие вроде большие, а пугливые...

– Да ничего, – слегка запыхавшись, ответил Григорий, всё ещё крепко сжимая поводья под самой мордой коня. – Просто он к тебе не привык ещё. И к тому же, пора продолжать сюрприз... Катя!.. Выводи Светлую!..

Из длинного приземистого здания напротив, являвшегося загородной частной конюшней, вышла худощавая темноволосая девушка, ведя в поводу великолепную белую лошадь.

Когда они приблизились, Нина не сумела сдержать восторженного восклицания и взволнованно прижала руки к щекам...

Это была кобыла с прекрасными грустными глазами, ступавшая спокойно, с внутренним достоинством. Девушка передала поводья Григорию, кокетливо подмигнула ему, повернулась и пошла обратно, игриво покачивая туго обтянутой синими джинсами попой.

Кобыла вдруг фыркнула и будто осуждающе тряхнула гривой. Нина безудержно расхохоталась. Катя обернулась на ходу, одарила Нину отнюдь не ласковым взглядом, и пошла дальше. Нормально пошла.

Григорий усмехнулся в гриву Светлой, похлопал её ласково по холке. Раджа приветственно обнюхал подругу и потёрся о её шею. Светлая чуть вскинулась, но в целом приняла ласку благосклонно.

Нина любовалась, обо всём позабыв... Она и не думала, что в ней может поместиться столько восхищения сразу, оно распирало грудь, лезло наружу восторженными переливчатыми пузырями.

– Гришка! – воскликнула она и как девочка захлопала в ладоши, – я никогда, слышишь, никогда не видела ничего более прекрасного, чем эти кони!.. Душу можно заложить за такую красоту!..

– Не надо душу, – усмехнулся Григорий, изо всех сил стараясь скрыть самодовольство, которое грозило выгнуть ему грудь колесом. Его план-сюрприз, который заключался в трёх немудрёных словах «поразить, восхитить, очаровать» претворился в жизнь с блеском!

– Это Нина, – сказал он кобыле. – А это Светлая Радость – самая красивая лошадь в мире. Она тоже орловский рысак. Будьте знакомы, обнюхайтесь и поцелуйтесь, – пошутил он, но замер в восхищении, когда увидел, как Нина грациозно поклонилась лошади, понюхала гордую лебединую шею, а потом осторожно поцеловала кобылу между ноздрей. И Светлая, которая, как он знал, всегда была себе на уме и могла выкинуть какой-нибудь финт при случае, одобритительно закивала и потёрлась лбом о Нинину руку.

– Вот это да!.. – восхищённо выдохнул Григорий и тоже захлопал. – Она тебя признала! Сразу!.. Нина, я впервые вижу такое! Это же та ещё штучка!..

– Она тоже твоя?.. – спросила Нина хрипло.

К её глазам вдруг подступили непрошенные слёзы. В груди что-то остро тюкало. Господи, что это с ней?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.